

65.9(2)кз)

М74

МОЙ СОЛНЕЧНЫЙ КИРГИЗСТАН

Книга _____ возвращена не
позднее _____ указанного здесь срока

Количество предыдущих выдач _____

~~2/IV-85-1280~~

5/XII-85-2988

13/VI-88-2987

60-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КИРГИЗИИ
И КИРГИЗСКОЙ ССР
ПОСВЯЩАЕТСЯ

65.9(2K4)

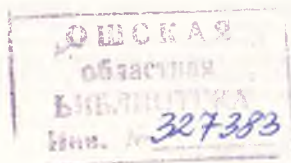
М 74

3345(154)

МОЙ СОЛНЕЧНЫЙ КИРГИЗСТАН

Документальные рассказы, очерки

Составитель А. Сальников

ФРУНЗЕ «МЕКТЕП» 1984

АБОНЕМЕНТ

Для старшего школьного возраста

Художник Ю. Ким

М 74 Мой солнечный Киргизстан: Документальные рассказы, очерки. [Для ст. школ. возраста] /Сост. А. Салыников; [Худож. Ю. Ким].— Ф.: Мектеп, 1984. — 92 фотоил.

Сборник документальных рассказов и очерков о славных делах тружеников четырежды орденосного Киргизстана, расцвете его экономики, науки и культуры. Посвящен знаменательному юбилею — 60-летию образования Компартии Киргизии и Киргизской ССР.

Книга адресуется старшеклассникам, а также учащейся и студенческой молодежи, широкому кругу читателей.

М — 0802010207—223
М 452 (17)—84 130.84

32 С
ББК 66.61(2Ки)

Рецензент Г. П. Огай

© Издательство «Мектеп», 1984 г.

КИРГИЗИЯ, ЛЮБОВЬ МОЯ!

Вместо предисловия

Край заоблачных гор, стремительных рек, мощных водопадов. Край обширных ледников, изумительных альпийских лугов, реликтовых лесов, прозрачных и высокогорных озер.

На земле этой живет народ мирный и гостеприимный, скромный и трудолюбивый. Он пашет и сеет, водит по горным выпасам миллионные отары овец и табуны лошадей. Строит красивые города и села, возводит фабрики и заводы, гигантские гидроэлектростанции вместе с представителями других народов и национальностей, рука об руку. Земля эта киргизская. Мой народ, моя Киргизия готовится к большому празднику — 60-летию образования Компартии Киргизии и Киргизской ССР. Шестьдесят лет — веский повод для раздумья: кем были и кем стали мы...

Скажу о себе. Рассказывают, что родился я в 1921 году в бедняцком шалаше на лесистом острове, там, где река Джыламыш делилась на три русла. Когда я воспитывался в детском доме, у меня однажды спросили дату рождения. Я ее не знал, а выход из положения нашел следующим образом: написал на двенадцати листочках бумаги названия месяцев, скатал их в трубки и, сложив в шапку, попросил своего друга вытащить одну из них.

Вытащили март. Он и стал месяцем моего рождения. Точно таким же образом мы поступили и с днями. Из той же шапки мой друг извлек цифру 23. Так днем моего рождения стал двадцать третий день марта. Этот день сейчас значится в моем паспорте и всех других документах.

Отец мой Джангазы с детских лет батрачил, а позже, подружившись с русскими ребятами из соседнего села Маловодное, пошел вместе с ними работать на строительство железной дороги. Затем он работал на сахароваренном заводе. Многие годы я писал в своих анкетах, что происхожу из крестьян. Но потом люди, знавшие моего отца, сказали мне, что он был рабочим. Нашлись даже документы. И я стал писать в автобиографиях, что происхожу

из семьи рабочих. Я всегда с гордостью думаю о том, что мой отец был одним из первых рабочих-киргизов.

В 1929 году мы с братишкой остались без отца и матери.

У отца был русский друг Алексей, работавший с ним на сахарном заводе. Он и посоветовал нашему родственнику Асанкулу, который приютил нас с братишкой Исой, отдать нас в детский дом. «Государство их там кормит, одевает, учит. Людьми станут», — сказал он.

Так оно случилось... Моя судьба — малая капелька в судьбе моего народа, возрожденного к новой жизни Великим Октябрем, гением Ленина, родной Коммунистической партией.

Каждому дороги свой отчий дом, своя родная земля. Если я скажу, что нет на свете земли милей и прекрасней, чем моя Киргизия, это будет соответствовать истине. Проезжая по киргизским дорогам, вы будете очарованы удивительной красоты пейзажами, которые так и просятся на полотно художника. Говорить о моей земле прозой невозможно, нужно о ней поведать стихами, музыкой. Ведь неспроста сотни и сотни лет акыны слагают о ней песни.

Скажите мне, как можно не восторгаться красотой таких хрустально-чистых озер, как Иссык-Куль, Сон-Куль, Сары-Челек? А орехоплодные леса Арсланбоба! Каждый пик Тянь-Шаня и Памира, каждая бурная река и озеро — поэма.

Киргизский героический эпос «Манас», насчитывающий миллионы стихотворных строк, начинается такими словами:

...Много в этой книге найдешь,
Удивишься, когда прочтешь,
Эта книга — волшебная смесь,
Быль и легенда смешаны здесь.

Истоки эпоса лежат в изумительной природе горного края, его добрых людях — тружениках, джигитах и батырах, защитниках народа, родной земли.

Трудно сегодня поверить в то, что в начале нашего века мало кто знал о киргизском народе. Он был осужден на постепенное вымирание. В сказочно богатом краю царили нищета и голод, нужда и горе преследовали кочевника-киргиза на каждом шагу. Стояла беспросветная тьма невежества и бесправия, народ не имел даже своей письменности.

Мои предки в незапамятные времена вышли на кочевую тропу, занялись скотоводством. Началось непрестанное движение по неизменному маршруту. Весной — в горы, на субальпийские пастбища, осенью — обратно, на зимние стоянки. Узкий, ограниченный мир кочевника. Проходили века, менялись поколения, но сколько-нибудь заметного следа на земле не осталось.

Конечно, жизнь не стояла бы на месте, поступательный ход истории взял бы свое. Да, шаг вперед, безусловно, был бы, но огнестрельное оружие или керосин, спички или транзисторный приемник, проникшие извне, не смогли бы изменить тысячелетних устоев кочевой жизни.

Нужен был взрыв.

И он прогремел. Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 года, свершенная под руководством партии великого Ленина, не только свергла власть эксплуататоров, она была революцией духа, самосознания народа. Тысячелетия пестовали психологический тип кочевника. Некоторые считали, что ломать установленное нельзя, мол, это приведет к исчезновению киргизской нации. Этого не случилось.

Величайшая энергия людей, высвобожденная революцией, явилась той силой, которая в изумительно короткое время преобразила горный край.

Сегодня, спустя шестьдесят лет как была образована Киргизская Советская Социалистическая Республика, наши дети и внуки изучают кочевую жизнь по школьным учебникам.

Когда-то киргизы не знали значения таких слов, как «машина», «техника». Более чем в шестидесяти странах мира можно встретить продукцию киргизских промышленных предприятий, в том числе в самых развитых — Италии, Швеции, Франции, ФРГ. Киргизская промышленность специализируется на радиоэлектронике, электротехнике, на точном приборостроении, автомобилестроении. У нас обучаются, проходят практику на предприятиях посланцы молодых развивающихся стран Азии и Африки.

Когда-то киргизы не употребляли муку: ее не было. Кочевник не имел возможности заниматься хлебопашеством. Сейчас киргизские хлеборобы, хлопкоробы, свекловоды, кукурузоводы, виноградары ни в чем не уступают в мастерстве своим соседям, которые испокон веков занимались земледелием. Более того, к нам приезжают из братских республик Советского Союза, даже из других стран, чтобы перенять опыт наших земледельцев.

Я уже говорил, киргизы не имели своей письменности. После Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года киргиз вывел первые буквы. Так он научился писать. А сейчас весь читательский мир знает книги Аалы Токомбаева, Тугельбая Сыдыкбекова, Темиркула Уметалиева, Шукурбека Бейшеналиева, произведения Чингиза Айтматова. Кстати, замечу, что по данным ЮНЕСКО Чингиз Айтматов — один из самых читаемых писателей в мире. Его книги издавались на 83 языках.

Киргизы много читают. В республике ежегодно издается от 100 до 200 новых произведений наших авторов: на киргизском, дунганском, русском, узбекском языках. Растет молодое поколение киргизских литераторов. Я рад за них — сейчас в нашей писательской организации 168 профессиональных литераторов — людей всех возрастов, чьи имена известны широкому читателю.

Когда-то киргизы не имели понятия о театре. Сейчас у нас восемь профессиональных и свыше тридцати народных самодеятельных театров.

Песня! Вот с ней-то киргиз никогда не расставался. Ни в радости, ни в печали. И он умеет петь ее широко и задумчиво. В этом можно убедиться, послушав Каиргуль Сартбаеву, которая носит почетное звание народной артистки СССР. Слушают ее не только в Киргизии, но и в Москве, в столицах других стран. А выдающийся наш бас Булат Минжилкиев — обладатель многих призов международных конкурсов — пел в знаменитом театре Ла Скала.

Я поклонник таланта Айсулу Токомбаевой, нашей примы-балерины, народной артистки СССР, лауреата Государственной премии СССР. Очарованный выразительностью и пластичностью ее движений, изумляясь, как она создает образы не только театрально-эффектные, значительные, но и психологически сложные, я думаю, что было бы с ней, если бы мы остались на кочевой тропе!

Из числа киргизов вышли выдающиеся композиторы, художники. Число профессиональных музыкантов, мастеров кисти и резца с каждым годом растет. Они имеют свои Союзы. Мой земляк, скульптор Тургунбай Садыков, — один из крупных мастеров своей профессии в стране. Он удостоен Ленинской премии за создание в центре столицы Киргизии скульптурной композиции, посвященной борцам за установление Советской власти в наших краях.

Не могу не сказать несколько слов о киргизской науке. Она прошла путь от алфавита до Академии наук, от первых тоненьких книжечек до Киргизской Советской Энцикло-

лонедни, издание которой недавно завершено. Киргизские ученые вносят большой вклад в развитие науки в стране, в мире. Их можно встретить за кафедрой университета в Дели, в далеком Рио-де-Жанейро. Они участвуют в открытии новых месторождений полезных ископаемых в развивающихся странах, помогают животноводам, крестьянам многих стран своими советами, решают проблемы большого масштаба...

Вот какие мысли и раздумья волнуют меня в преддверии всенародного праздника — 60-летия образования Компартии Киргизии и Киргизской ССР.

Часто задумываюсь, что способствовало такому расцвету народного хозяйства, культуры моего народа? Прежде всего наш социалистический общественный строй, неуклонное осуществление ленинской национальной политики. Киргизы, как и другие народы и народности, веками находившиеся в стороне от магистральных дорог социального, научно-технического и культурного прогресса, войдя в семью народов СССР, сумели подняться до высот современной цивилизации. Мы гордимся, что наш народ — равный среди равных в многонациональной семье советских народов, мы гордимся нашей дружбой со всеми народами страны. Мы знаем, что все, чем богата сегодня Советская Социалистическая Киргизия, создано усилиями всех народов Страны Советов и в первую очередь Российской Федерации.

Мы гордимся своей землей, горами, долинами, а главное — замечательными людьми, представителями более 80 национальностей, дружной единой семьей живущих в Киргизии. Им мы посвящаем свои песни, симфонии, повести, романы. Всем нам дорога родная земля и разве можно говорить о ней словами? О тебе надо петь: — Киргизия, любовь моя!

КРЕПКИЕ КОРНИ

В детском доме имени Дзержинского иной раз крутили новый фильм. По тем довоенным временам это было настоящим праздником. Картин выпускали не так уж много — по пальцам можно пересчитать, — но запоминались они надолго: «Чапаев», «Трактористы», «Цирк». Особо нравились песни.

Джолдошу Мусабекову полюбилась вот эта: «Широка страна моя родная». Заключительные кадры картины: идут по Красной площади молодые красивые крепкие люди, и в разливе знамен звучит знаменитая мелодия. А слова такие: «Человек проходит, как хозяин...»!

Их привозили сюда, в село Октябрьское, с разных концов Южной Киргизии. Советская власть позаботилась о том, чтобы росли они хорошими гражданами, чтобы настоящему чувствовали себя подлинными хозяевами страны.

Джолдошу стукнуло пятнадцать, когда началась война. И заполнился детдом новыми воспитанниками, пережившими ужас фашистских бомбежек. Старшим было, конечно, не до учебы. Мужчин в Октябрьском почти и не видно теперь: повестка, короткие сборы, теплушки везли новобранцев на фронт — вернутся ли они с войны — этого никто не знал.

— Вот вам, ребята, направление в колхоз, — устало сказал директор. — Вы уже совсем самостоятельные люди, надо работать. А десятилетка никуда не убежит. Победим врага — жизнь пойдет совсем другая...

Выдали под начало Джолдошу старую кобылку да бричку — сено возить, зерно, уголь из шахтерского городка Кок-Янгака. Не все получалось сразу, хомут — смешно вспомнить! — надеть не умел. Сено косить — тут тоже сноровка нужна, ох и болели руки, и спина, словно чужая, но он знал: трудно не только ему одному, ноша на всех навалилась непомерно тяжелая. Так что хныкать не приходилось.

На косовицу, чтобы выполнить дневную норму, он выходил ночью, иначе бы и не справился. Закон железный: накопил двадцать пять соток — получай килограмм муки.

Зато как радовалась тетя Фрося, старушка, у которой снимал угол Джолдош. Он для нее не только квартирантом был — кормильцем. Когда привозил муку, тетя Фрося пекла вкусный хлеб — и это тоже было праздником.

— Настоящий мужик, — скажет, бывало. И он, небольшого роста, худощавый, — кожа да кости — не знал в то время лучшей похвалы.

У каждого человека должны быть крепкие корни на этой земле. Чтобы не катиться, подобно перекасти-полю, с одного места на другое. Своей родословной, как мы уже знаем, Джолдош похвастать не мог, но цену заработанного собственным трудом хлеба познал рано. Вот он — корень его жизни — труд. И привычка к тому, что можно определить хорошим макаренковским словом «Не пицать!»

Судьба и потом испытывала Джолдоша Мусабекова, как металл, на прочность, и он, никогда не отличавшийся особой физической силой, выдерживал перегрузки. Потому что есть в нем и другой корень — крепость духа. Когда в пятьдесят седьмом стал Мусабеков формовщиком, после первой же смены решил: «Брошу это дело, не по мне». Пальцы так сводило с непривычки, что плакать хотелось. Он и сейчас помнит эту свою давнишнюю слабость и улыбается, а тогда было не до смеха. Но себя пересилил, характер выдержал, и выдюжил, и постепенно втянулся в рабочий ритм. Да, что было, то было. Это потом уже пришли и уважение товарищей, и почет, и большие награды, но кто знает, как изо дня в день преодолевал себя Джолдош Мусабеков!

Понюхать злого пороха войны ему не довелось. Когда подошло время призыва, фронт катился к границам Германии. Готовился воевать Джолдош в резервном полку, но тут прибыло откуда-то высокое начальство, отбирали людей в кавалерию. Усатый полковник, прищурясь, посмотрел на Мусабекова: «Киргиз? Отличные ребята, замечательные наездники. Ты нам вполне подходишь». И служил он шесть лет в Москве, в особом взводе.

Где у бывшего детдомовца родная пристань? Когда пришел срок демобилизации, Джолдоша многие приглашали в свой край. На Украину звали друзья-кавалеристы, в Сибирь. Выбирай, Джолдош, страна большая, везде тебя примут с любовью, везде нужны твое трудолюбие и мужской характер. Он благодарил каждого, но твердо знал: вернется в Киргизию. Сержант Кудайкул Багышев звал с собой, в Ала-Букинский район: такой вот вышел новый виток его судьбы.

Думал ли Мусабеков, что станет зоотехником? Вроде и знаний маловато, единственно, что с конями дружбу в армии водил. Но в райкоме партии комсомольца уверили, что работу эту потянет, а для начала пусть позанимается на специальных курсах в Оше. Сложностей и новизны он не боялся и за дело взялся горячо, во всяком случае, не сразу, постепенно, но стало получаться. «Не боги горшки обжигают» — эту истину Джолдош усвоил крепко.

Хозяйств в районе много, а опытных кадров не хватает. Сельскохозяйственный институт во Фрунзе выпускал в те годы не столь уж много специалистов, и день-деньской приходилось крутиться так, что к вечеру валился с ног от усталости. Поэтому танцы, знакомства с девушками — все это отходило на задний план. «Успеется», — думал Джолдош.

Аню он впервые увидел в ресторане. Зашли как-то с друзьями отметить выполнение годовых обязательств (вот видите, опять я о работе!), молодая официантка обслуживала быстро, улыбаясь. «Хорошая дивчина», — сказал кто-то. Джолдош и не обратил внимания на эти слова, разговор, как водится, шел все больше о деле. Это потом уже, в гостях у главного районного зоотехника Кальдинова, вдруг снова увидел ту самую девушку из ресторана и почему-то смутился.

— Чего краснеешь? — засмеялся Харцха Маржинович. — Знакомься, Анна Василенко, сестра моей жены Шуры.

Свадьбу сыграли негромкую, Аня тоже была детдомовской, так что на большие расходы у них просто-напросто денег не хватало. Да и разве многостольем и роскошными подарками определяется крепкое семейное счастье? Были бы любовь и уважение друг к другу и взаимная поддержка — так они считают оба: и Джолдош Мусабекович и Анна Пименовна. Серебряную свадьбу отметили, дети выросли, своими семьями обзавелись... Настоящая любовь не требует громких слов. Настоящая — это раз и на всю жизнь.

Мусабековы переехали во Фрунзе в пятидесятые годы. Это сейчас, когда неузнаваемо разросся город и выросли большие предприятия, никаких проблем с устройством на работу нет. А тогда выбор был ограничен. Ему посоветовали идти на завод сельскохозяйственного машиностроения. В отделе кадров предложили работу формовщика в литейном цехе, и Джолдош, не долго думая, согласился. «Не место красит человека» — это тоже один из главных его принципов.

О том, как начинал Мусабеков на новом месте, я уже рассказал. Но сколько радости было в семье, когда принес он первую свою получку — 900 рублей! Анна Пименовна в то время болела, не работала, так что приходилось жить на одну его зарплату. И он старался трудиться за двоих, чтобы все были и сыты и обуты...

Слово «карьера» в нашем обиходе приобрело не совсем уважительный оттенок, да и в применении к рабочему — формовщику Джолдошу Мусабекову оно не вполне уместно. Думая о его росте, как профессиональном, так и чисто человеческом, вернее сказать о том, что Джолдош сам ковал свою судьбу. Добился ли он высокого положения? Если судить по занимаемым должностям, то вряд ли. Мы знаем немало примеров, когда простые рабочие в нашей стране становились и директорами предприятий, и министрами. У Мусабекова в трудовой книжке записи на сей счет поскромнее: формовщик, бригадир, мастер участка. Но если говорить об общественном признании заслуг этого человека, то ему есть чем гордиться. За доблестный труд он награжден орденами Ленина и «Знак Почета», избирался делегатом XXIII и XXIV съездов КПСС, два срока подряд был депутатом Верховного Совета Киргизской ССР, удостоен высокого звания «Заслуженный работник промышленности Киргизской ССР».

Конечно же, ему выпала завидная и счастливая судьба. Детдомовский парнишка в полной мере ощутил, как заботится Советская страна о своих тружениках. Но признание и авторитет не приходят сами по себе, их надо заслужить. Трудом честным, добросовестным, как это и записано в Конституции СССР.

Есть у киргизского народа хорошая поговорка: «Одной рукой делай добро людям, только тогда протягивай другую за счастьем». В этом, наверное, и заключается смысл человеческого существования. Тем-то и силен Джолдош Мусабеков, что он всегда и везде на первый план ставил интересы товарищей, своего трудового коллектива. Он и сейчас, будучи на пенсии, продолжает работать там же, где и начинал, на сельмашзаводе — в родном седьмом цехе, и с гордостью говорит: «Наш цех — особый. Дружные, отличные люди подобрались — как от них уйти!»

Конечно же, он несколько преувеличивает. И здесь, в седьмом, народ бывает разный. Но знаете, когда искренне любишь, разве будешь думать о недостатках? Мелкое с годами отсеивается, обиды забываются, остается главное — причастность к людям, вместе с которыми прожил боль-

шую хорошую жизнь и с которыми делал одно общее дело.

Мусабеков помнит время, когда ему доверили руководить бригадой. Литейщикам поручили формовать пальцы для сенокосилок — но никто не хотел браться за эту работу. Деталь небольшая, а возни много. Тут одной силой не возьмешь, тонкое уж слишком дело. После каждой смены мастера с огорчением отмечали: снова брак идет. Дошло до того, что формовать пальцы решили попеременно: два-три дня одна бригада, затем — другая. Попробовали, все равно ничего не получается. Люди смотрели на эту работу, как на временную, душа к ней не лежала. Но нужны селу сенокосилки, а без пальцев это не машины. Прямо, какой-то тупик!

Начальник цеха вызвал Мусабекова: «Давай, Джолдош, берись!» Он рассказал об этом разговоре в бригаде. Шум сразу поднялся. «Почему именно нам? Что, мы, хуже других? А заработок, между прочим, упадет!»

Джолдош слушал спокойно, а когда все выговорились, сказал только: «Мы же боремся за звание бригады коммунистического труда. Кому же эти детали делать, как не нам? Сам знаю, что нелегко будет, но ведь надо, ребята».

Неспокойными выдались эти месяцы. И брак поначалу не уменьшался, и в деньгах, естественно, потеряли. Кое-кто смалодушничал, ушел из бригады. Остались самые крепкие, и Джолдоша это радовало: работа спорится, если рядом с тобой единомышленники. Такие, как, например, Михаил Черепович. Хороший друг, настоящий товарищ. В конце концов они победили, и это первое испытание стало хорошей проверкой коллектива на прочность.

А жизнь не стояла на месте. Как-то Мусабеков завел в бригаде разговор о резервах производства. Сам все досконально проверил, подсчитал, а потом и предложил: можно поднять производительность труда на 6 процентов. Да, да, на формовке тех самых пальцев, которых раньше боялись, как черт ладана. И снова было горячее обсуждение, но люди уже верили своему бригадиру.

— Я так думаю: давайте не будем получать оплату за перевыполнение. Иначе говоря, добровольно снизим расценки за формовку пальцев, — подытожил разговор Мусабеков.

Вот это да! Не слишком ли смело? Джолдош не торопился, и тогда высказались Михаил Черепович, Анастасия Кучер, Николай Ливенко. Все они поддержали бригадира.

— А что? Стоит попробовать,— согласились теперь и те, кто сомневался.

Назавтра о решении коллектива уже знали и в соседних бригадах.

— Ну что ж, мы не привыкли отставать. Посмотрим, кто кого обгонит,— сказали Мусабекову Василий Куксов и Виктор Шапошников.

А Джолдош промолчал. Он-то знал, что инициаторы почина всегда подставляют под груз плечо первыми и поэтому надо работать так, чтобы не пришлось потом краснеть. Пусть это покажется красивой фразой, но бригада трудилась в едином порыве. Проблема сенокосильных пальцев, как говорится, была снята с повестки дня.

Специалисты подсчитали: формовщик перемещает за рабочую смену более 15 тонн груза, и хотя с годами механизация и в литейных цехах завоевывает все новые позиции, но тяжелого физического труда остается еще очень много. Если уж точно, то 80 процентов! Не зря ведь формовщикам — представителям единственной из многочисленных заводских профессий — согласно коллективному договору дают бесплатные обеды.

— Мы, как спортсмены,— говорит Джолдош. — Вот ставил бегун рекорды, а потом все — не может, жизнь есть жизнь. На многих участках трудятся бывшие формовщики, становятся заливщиками, слесарями, переходят на модельный участок. Там все же полегче.

Годы брали свое — наступил срок и Джолдошу Мусабекову. Кем он будет теперь — об этом размышлял не только он один, о судьбе кадрового рабочего думали и руководители цеха. Начальник Рафик Касымович Гарипов предложил: «Сможешь мастером? Легкой жизни не обещаю, но ведь ты людей всех знаешь и дело любишь, куда тебе от формовки уходить?»

Пришлось Мусабекову вновь учиться. Понятно, секретов в профессии для него нет, только ведь теперь с большим коллективом надо работать, как-никак участок — не бригада. Но Джолдошу помогли. Прежде всего, старший мастер Иван Иванович Шатурный, теперь пенсионер. Хорошую школу прошел у опытного специалиста молодой — не по годам, по стажу — мастер. Пятьдесят характеров, и к каждому ключик свой подобрать надо. Кого похвалить лишний раз не зазорно, у человека словно крылья отрастают. С другим, напротив, чем строже, тем лучше. А глав-

ное, со всеми справедливым надо быть, честным, правдивым. Характеров пятьдесят, а коллектив-то один.

В общем, получился из Мусабекова мастер. Вот он, весь на виду, свой, рабочий человек. Надо — сам за формовочную машину станет, надо — поговорит, как отец с родным сыном, если парень допустил промашку. И сейчас, работая инструктором производственного обучения, он все с тем же вниманием относится к молодым формовщикам, утверждая в них нравственные начала прежде всего богатых опытом своей рабочей жизни.

Кто-то сказал: счастлив тот человек, который с хорошим настроением идет на работу и с таким же настроением возвращается после смены домой. Будем считать, что это сказано и про него, Джолдоша Мусабекова. Семья — наш тыл, и чем она прочнее, тем краше работа. Все тридцать лет Анна Пименовна — надежная опора мужу. Может, оттого он и остался таким же спокойным, доброжелательным, внимательным к людям, как и в молодые свои годы. Все на двоих — и радости и печали.

А хорошего в жизни было, конечно же, неизмеримо больше. Выделил завод в 1973 году Мусабековым новую прекрасную квартиру в девятиэтажном доме, выросли, оперились дети. Светлана с золотой медалью закончила школу, получила диплом с отличием в Киргизском государственном университете. Теперь она экономист, работает на том же заводе, что и отец, только в другом цехе. Забот у Светланы хватает: руководитель школы экономических знаний, была председателем цехового комитета, и характером пошла в отца — такая же справедливая, если уж взялась за дело, вникнет во все тонкости.

Сын Николай после десятилетки решил стать рабочим. Родители, конечно, хотели, чтобы и он в институт поступал, но Коля уперся, а когда, казалось, были исчерпаны все аргументы, привел самый веский: «Ты же, батя, всю жизнь рабочим был, и никто из нас за тебя не краснеет». Джолдош в сердцах махнул рукой: «Делай, как знаешь». Сын-то тоже с характером оказался, пошел на сельмашзавод, работает слесарем. Ну, а когда решил жениться, тут уж совета у отца с матерью попросил. Римма Голобокова и им понравилась. Джолдош еще пошутил, что такие красивые девчата, наверное, только и растут в Липецкой области, откуда Римма, кондитер по профессии, приехала в Киргизию.

По выходным они часто собираются все вместе в родительской квартире. Светлана приходит с мужем Анато-

лнем Фроловым, сварщиком и завзятым радиолюбителем, Николай — с Риммой. А внуки — четырехлетний Алешка и шестилетний Валерка — каждый по очереди стараются оседлать деда. Джолдош только улыбается: «Вот ведь, и газеты некогда почитать!» Валерка, приняв упрек, тащит свежие «Известия», «Вечерку», «Труд», выдает каждому по газете, чтобы деду меньше информации досталось. Сам же Валерка считает, что лучше всего узнавать новости из телевизора, там все понятно, даже если и не знаешь грамоты.

Прошло лето, и они вспоминают, как отдыхали. Молодые были на Иссык-Куле, в заводском пансионате, а Джолдош предпочел нынче рыбалку на одном из пригородных прудов.

— Ого, какое место я нашел, — он поднимает большой палец вверх. — Вот такие амуры там водятся.

...Когда дети расходятся по домам, Джолдош Мусабекович любит постоять на лоджии, взглянуть на вечерний город. Отсюда, с пятого этажа, хорошо видно все вокруг. Горит огнями новое здание филармонии, а в лучах прожекторов светится, словно пролетая вдаль, сказочный Манас на богатырском скакуне. И кажется, это не только витязь из народного эпоса, а весь киргизский народ, заново рожденный Великим Октябрем и оттого во сто крат ставший сильнее, встречает в славном и победном пути свет новой зари.

СЫН АКМАТБЕКА

Было ясное прохладное утро. Золотистые лучи солнца играли в голубых волнах Иссык-Куля. Далеко-далеко, за прозрачной сизоватой дымкой, словно из самого озера, вздымались снежные вершины гор. На редкость для этих ветреных мест стояла тихая погода.

Мы, человек десять пассажиров, ожидали отправления поезда Рыбачье — Фрунзе. Ожидание всегда утомительно, в любую погоду. Мое внимание привлекли сидевшие на скамье коренастый пожилой мужчина и щупленький подросток лет пятнадцати.

Мужчина был в форме железнодорожника. Его широкую грудь украшали ордена и медали. Это казалось несколько странным в будничный день. Он часто наклонялся к подростку и, почти касаясь его курчавой головы своими седыми усами, что-то шептал ему. Тот кивал головой. Одет подросток был в новый серый недорогой костюм, покрой которого явно копировал форму железнодорожника.

Когда дежурный по станции торопливо прошагал с жезлом в сторону паровоза, мужчина и подросток поднялись со скамьи. Парень надвинул на лоб фуражку, взял в руки чемоданчик.

Тут только я хорошо рассмотрел их лица. Молодой, с быстрыми карими глазами, смуглолицый, с несколько раздвоенным подбородком, был почти точный портрет мужчины. «Отец и сын», — догадался я.

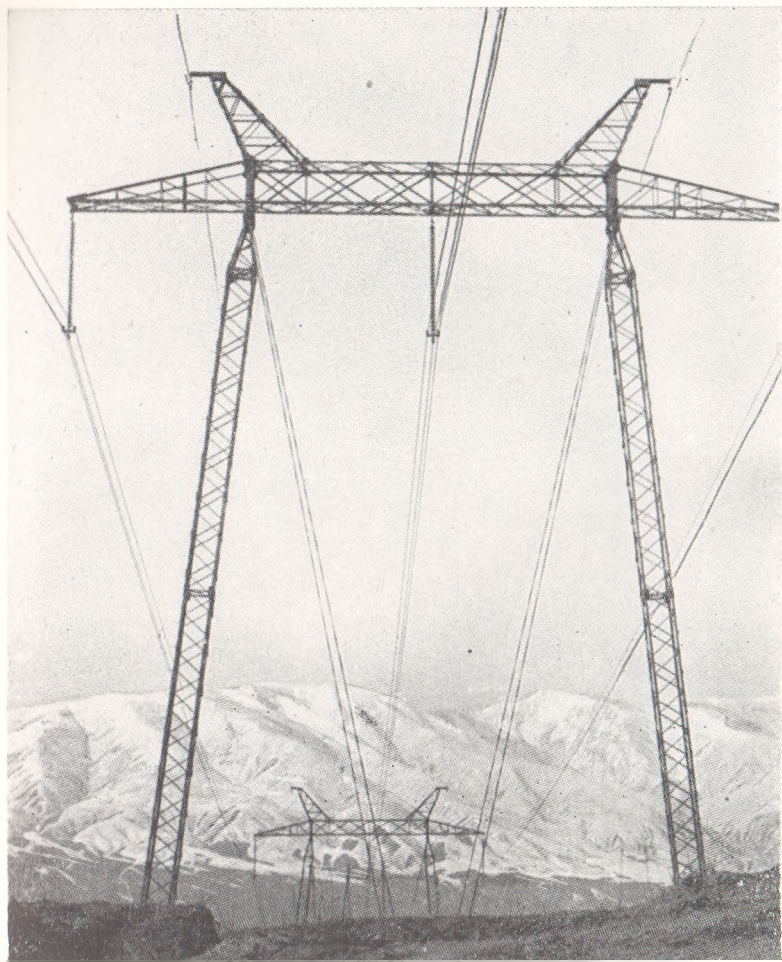
— Сюда, сюда, Акматбек! — крикнул проводник одного из вагонов. — У меня сегодня совсем просторно.

Я вошел вслед за ними в купе. Там уже сидела молодая женщина, как я узнал позже, учительница.

— Ассалам алейкум! — поздоровались отец с сыном почти в один голос.

Подросток быстрым взглядом окинул купе, сунул чемоданчик под сиденье и, выпрямившись, застыл перед отцом, глядя ему в глаза.

— Так помни же, Керим, что я наказывал тебе! Учись! — повторил отец уже по-русски и, взяв сына за плечи, притянул к себе.

ЛЭП в горах.

Далеко за пределами республики известны славные дела киргизских гидростроителей, возводящих на реке Нарын каскад ГЭС. На снимке: передовая бригада верхолазов-монтажников, возводящих Курпсайскую ГЭС (в центре — бригадир, депутат Верховного Совета Киргизской ССР Мамасалы Сабиров).

Карьер дышал разогретым металлом и отработанной соляжкой. В морозном воздухе слышалось мощное урчание моторов. Наступал рабочий день...

Знатная швея, депутат Фрунзенского городского Совета Советкан Эшбаева (в центре) с честью сдержала слово: задание одиннадцатой пятилетки выполнено досрочно!

Керим смущенно посмотрел на меня и на учительницу, потом вдруг порывисто обнял отца, и они расцеловались.

Когда поезд тронулся, Керим приткнулся к окну.

Я сидел напротив Керима и украдкой наблюдал за ним. Его лицо было сосредоточенно-строгим. Мне вдруг вспомнилось, как много лет назад таким же вот подростком отправлялся я из родного кыштака в далекий город. Тоже учиться...

— Что, Керим, тяжело расставаться с родными местами? — спросил я.

Он оторвался от окна и не мигая, словно провинился в чем-то, уставился на меня своими миндалевидными карими глазами.

Я сделал вид, будто не замечаю его явной растерянности.

— Я сам когда-то вот так же уезжал из родного дома, — продолжал я спокойно, — только не на поезде, а на попутной арбе. А знаешь, мне было тогда очень грустно: с каждым арычком, с каждым кустиком прощался. А сказали бы мне тогда: «Вернись, останься», я бы ни за что не согласился. Веришь?

В это время проводник принес чайник чаю и три пиалы.

— Ну, давай, браток, чаевничать, — предложил я. И прежде чем он успел что-либо ответить, я уже придвинул к нему пиалу и стал наливать чай.

Вначале Керим дичился, ни к чему не притрагивался. Потом рассмеялся при одной моей шутке и сразу освоился. Он угощал меня и учительницу боорсоками, а сам с большим аппетитом уплетал предложенные мною конфеты и печенье. Искрились его большие карие глаза, лукавая улыбка играла на лице. Совсем еще мальчишеском...

— А где ты будешь учиться, Керим? — спросила учительница.

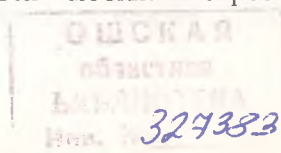
— В железнодорожном училище, — ответил он и твердо добавил: — Хочу стать машинистом!

— Очень хорошо! — сказала учительница. — Но почему именно машинистом? А тебе никогда не хотелось, например, стать строителем или моряком?

— Нет! Моряком не хочу, а летчиком... Пожалуй, можно!

Видно было, что он стеснялся и не хотел рассказывать о своих сокровенных мечтах. Самых сокровенных в его годы...

— Наверное, ты не очень хочешь стать летчиком, если так быстро отказываешься от своей мечты? — спросила учительница.

— И не быстро, а сейчас...

Он задумался. На минуту воцарилась тишина, лишь было слышно, как на стыках рельс постукивали колеса вагонов.

— Я тоже мечтал стать летчиком,— вспомнив свою юность, сказал я без каких-либо педагогических соображений. — Захотелось, как только первый раз увидел в небе самолет. Управлять самолетом — это было для меня чудеснее всякой сказки...

Вслушав меня, Керим, подыскивая слова, как взрослый, заговорил не спеша:

— У меня есть сестра Асипа. Я тогда учился в третьем классе, а она — в шестом. Вот однажды прибегает с книгой в руках и кричит: «Керим, знаешь, какая это книга? Если бы ты стал таким! Да где тебе!» — махнула она рукой. Я обиделся, взял у нее книжку. На обложке — летчик в самолете. Давай, говорю, читать вместе. Потом после уроков читали мы каждый день, она читала, а я слушал. Это была «Повесть о настоящем человеке» Полевого. Я ее всю запомнил сразу и полюбил. Когда кончили читать, смотрю на сестру — у нее слезы на глазах. И у меня в носу защекотало. Но я хотя и маленький был тогда, а плакать не любил. Помню, встал, подошел к отцу и сказал: «Папа, я хочу быть летчиком. И вот честное слово, стану летчиком! И драться буду, как Мересьев, и орденов столько же получу, сколько у тебя, папа». А папа мой, знаете, в войну сапером был. Он вражеские доты и мосты взрывал, а для нашей армии строил новые. У него шесть орденов и три медали. Я их всегда любил примеривать...

Тут поезд заскрежетал тормозами и остановился. Не взглянув даже в окно, Керим с видом бывалого человека сообщил:

— Станция Кок-Мойнок.

— Ну и что же ответил тебе отец? — спросил я, желая направить разговор по прежнему руслу.

— Что? Он сказал, что летчиком быть хорошо, но неплохо быть и табунщиком. Он до войны выращивал для колхоза лихих аргамаков. Похлопав меня по плечу, отец добавил: «А ордена в нашей стране дают не только за храбрость в бою, но и за честный труд. Вот так, дорогой».

— Ну, а ты как решил? — нетерпеливо спросила учительница.

— Я с отцом не согласился. Мне почти каждую ночь снилось, что уже на самолете летаю. А потом взял да и написал письмо военному комиссару, просил, чтобы меня

приняли учиться в летную школу. — Керим, видимо, вспомнив что-то, весело рассмеялся, поблескивая быстрыми глазами. — Я, знаете, тогда твердо решил: обязательно примут меня. Даже уроки забросил, только самолеты рисовал в тетрадках.

— Вот как! — осуждающе сказала учительница и сделала резкое движение рукой, но Керим, увлекшись воспоминаниями, ничего не заметил.

— А тут такое случилось,— продолжал он все с той же лукавой улыбкой,— ну, век не забуду! У нас в этот день пионерский сбор был. Об успеваемости говорили. И только меня товарищи отчитать успели — у меня тогда уже четыре двойки накопилось,— как вдруг открывается дверь и входит директор. Сел на заднюю парту и помалкивает. А когда мы кончили говорить, он встал, очки протер и тоже слово попросил. Все притихли, и он начал: «Хочу я вам, ребята, два письма зачитать. Одно из них от военного комиссара, а другое — от нашего ученика... этому комиссару». Я сразу догадался, что это мое письмо, и от радости чуть не подпрыгнул на месте, мне казалось, что я уже лечу. А директор между тем читает письмо комиссара: «Очень хорошо, когда наши ребята хотят стать летчиками или, например, моряками, танкистами...» Дальше говорилось, какая большая честь служить в нашей армии, защищать Родину, свой народ. И пока читал все это директор, я мысленно начал посмеиваться над товарищами. «Что, думаю, чья взяла? Вы тут меня за двойки отчитывали, а комиссар меня в пример ставит...» И вдруг мне будто за шиворот шапку снега высыпали. Слушаю и ушами не верю: «Только очень рано ему, третьекласснику, в военное училище собираться,— писал комиссар. — Вам, ребята, сейчас надо учиться отлично. Учиться и учиться, как завещал Владимир Ильич Ленин. Помните, ребята, только грамотный, культурный человек достоин быть советским офицером. А вот ваш товарищ написал свое письмо очень неграмотно...» И директор начал читать мое письмо, стал перечислять грубые грамматические ошибки. Я краснел и был готов провалиться сквозь землю. Когда он кончил читать, то сказал: «Я, ребята, не назову вам фамилию этого ученика: кто писал, тот и так поймет...» Тут уж я не выдержал. Такая меня взяла обида и на комиссара, и на директора, и на всех — схватил я шапку и вон из класса. Да и что мне было еще делать? Ведь я сам уже давно разболтал всем ребятам, что со дня на день жду ответа от комиссара!

И тут Керим вдруг залился таким заразительным смехом, что невольно рассмеялся и я. Улыбнулась и учительница, но тут же довольно сухо заключила:

— Не очень-то хорошо, Керим, когда люди легко расстаются со своими мечтами.

Она поджала губы, и лицо ее стало серьезным.

Керим задумался. Его вид выражал и обиду и удивление. Он отвернулся к окну, опустил раму и высунул голову.

Поезд шел в это время по Боомскому ущелью. Дорога извивалась по крутому скалистому склону. Сразу за окном начинался обрыв. А там, глубоко внизу, мчала свои воды буйная Чу. На противоположном берегу почти отвесной стеной уходил вверх обомшелый, испещренный трещинами и промоинами склон ущелья. Чувство восхищения дерзкой силой человека, сумевшего построить здесь железную дорогу на такой чертовской крутизне, вызывала эта величественная, неповторимая картина.

— Смотрите! Смотрите! — позвал Керим учительницу и меня. — Видите, вон там, в реке, обломки скал? Один... два... три...

Из воды действительно поднималось несколько огромных глыб, набегая на них, река вскипала молочной пеной, кидалась на берега, перекачивалась через другие, более мелкие обломки скал.

— А знаете, кто их туда спустил? — гордо спросил Керим. — Мой папа! Вот он какой! Он же сапером воевал!

Я взглянул на учительницу. Она недоуменно пожимала плечами. И мне далеко не все было ясно. Ведь в скольких лицах выступал папа Керима сегодня! До войны табунщиком, в годы войны был сапером, а перед отходом поезда мы видели его в форме железнодорожника. Теперь, по словам сына, выходит, что он был строителем дороги. Видя наше недоумение, Керим сказал:

— Вот из-за этих скал, из-за этой железной дороги папа и расстался со своим табуном.

— Как же это случилось?

— Я помог! — ответил Керим.

Учительница улыбнулась.

— Не верите? Это очень просто, — начал рассказывать Керим. — Вот послушайте. Помню, солнечным утром на грузовиках выехали на воскресник старшеклассники нашей школы, чтобы помочь строителям железной дороги. Я тогда был в пятом классе и настоял, чтобы меня тоже взяли. В Боомском ущелье в ту пору стоял непрерывный

гул взрывов. Взрывники превращали скалы в щебень, а следом за ними по пробиваемой трассе шли тысячи людей с кирками, ломami и лопатами. Они разравнивали щебень, возводили насыпи, на которые должны были лечь стальные рельсы. Школьники быстро справились с отведенным участком пути. «Давайте другой!» — требовали они. «Подождите, ребята, — стал объяснять начальник строительства дороги. — Видите, негде развернуться — не успевают наши взрывники. Мало их. Нам сейчас взрывники дозарезу нужны, а обученных пока нет». Тут и крикнул я с гордостью: «Эх, папу бы моего сюда! Папа немецкие укрепления взрывал!..» И дело потом приняло такой оборот, что через некоторое время начальник строительства дороги посадил меня рядом с собой в кабину газика и помчался в наш колхоз. Сначала в правлении договорились, что мой отец поработает на стройке временно, пока не подготовит смену. Но потом, когда отец поработал месяца два и колхоз стал отзывать его обратно, он наотрез отказался: «Наши отцы и деды только по узеньким тропинкам могли пробираться через эти кручи. Как же теперь я уйду отсюда, если мы ведем стальной путь к родному Иссык-Кулю!»

— Вот каков у тебя отец! — восхищенно проговорила учительница. — А как поступило правление колхоза?

— Колхоз послал к отцу самых уважаемых аксакалов. Они впервые увидели рельсы и щупали их руками, потом сказали: «Акмат, ты вместе с другими строителями дороги делаешь великое дело. Колхозники не обидятся на тебя, если задержишься тут. Табуны пасты у нас есть кому». Так и остался мой отец до окончания строительства вот этой железной дороги, — Керим смотрел в окно вагона...

— А что было дальше? — продолжал Керим. — Отец рассказывал мне. В тот памятный день, когда украшенный флагами и цветами паровоз доставил на Иссык-Куль первый состав груженных вагонов и над «Киргизским морем» раздался торжественный гудок, мой отец понял тогда, что не сможет расстаться с железной дорогой, которую строил. Он сдал по акту остатки взрывчатки, коробки с запалами и бикфордовым шнуром и стал бригадиром путейцев...

Наша беседа подходила к концу. Ущелье и горы остались далеко позади. По сторонам дороги расстилались зеленые поля Чуйской долины. И, словно приветствуя поезд, в колеблющемся знойном воздухе трепетали крылышками жаворонок. Вот и город Фрунзе. Мы распрощались на привокзальной площади. Идя домой, я все думал о своем попутчике Кериме. Да и после не раз вспоминал о нем:

хотелось знать, как у него сложилась жизнь, кем он стал. Мне казалось, что я больше не встречу его. Но однажды меня пригласили в клуб железнодорожников, где проходило чествование передовиков социалистического соревнования.

После доклада принесли стопку папок в красных переплетах. Председательствующий, бережно раскрывая папку, громким голосом называл фамилии награжденных Почетными грамотами.

С мест поднимались пожилые и молодые машинисты, кочегары, путейцы, ремонтники... Они поочередно подходили к трибуне и под гром рукоплесканий брали награды.

— Машинист Керим Акматбеков! — энергично произнес седоусый председательствующий.

И вот на сцену поднялся высокий молодой человек. Когда он, смущенный всеобщим вниманием, обернулся к залу, я увидел его быстрый взгляд и широкий, слегка раздвоенный подбородок. После официальной части торжества мы встретились в фойе.

— Поздравляю тебя, дорогой Керим, — я крепко пожал ему руку. — Очень рад, что твоя давняя мечта сбылась.

— Большое спасибо аксакал! Я часто вспоминаю нашу встречу и разговор в вагоне. Ваши слова и слова учительницы.

— А не жалеешь, что не стал летчиком? — шутливо спросил я.

Он молча вынул из кармана пиджака небольшую голубую книжечку и протянул ее мне. Это было свидетельство об окончании аэроклуба без отрыва от производства.

ВЗРЫВ В ГОРАХ

Последний крутой поворот, и дорога завершила виток горного серпантина. Подъем кончился, «газик» притормозил на ровной площадке, у деревянного домика — служебного помещения рабочих карьера. Дышать стало труднее. В груди отчетливо застучал метроном: тук-тук-тук!

— Какая высота?

Горный инженер Эмиль Ибраев открыл дверцу «газика» и, прыгнув с подножки машины на каменистую землю, огляделся вокруг.

— Больше трех тысяч метров над уровнем моря. Дышать трудно? Ничего, это скоро пройдет, привыкнете.

Я подошел к краю обрыва и глянул вниз, в ущелье — там, на его дне, мы были минут сорок назад, оттуда дорога начинала свой крутой виток в горы — к карьору. Внизу, словно игрушечные, вырисовывались белые домики небольшого горняцкого поселка, окутанного предрассветной дымкой. Вставшее напротив поселка солнце высвечивало белоснежные склоны горы. По склону — сверху вниз — разбежались мохнатые ели и, точно натолкнувшись на невидимую преграду, остановились на самом берегу горной речки. Она голубой тонкой ниточкой прорезала ущелье, словно живая, струилась меж горной теснины и скрывалась из виду где-то за поворотом.

Здесь, высоко в горах, еще стоял полумрак. И когда как-то неожиданно над вершинами встало солнце, все вокруг заискрилось ослепительным снегом. Горное утро играло светом и тенью, и света становилось все больше. Наступал рабочий день.

Карьер дышал разогретым металлом и отработанным соляркой. В морозном воздухе слышалось мощное урчание моторов. К работающему экскаватору один за другим подъезжали грузовики, в железные кузова с грохотом сыпалась горная порода. Наполненные, они отъезжали от экскаватора и один за другим устремлялись к той самой дороге, по которой мы только что поднялись в карьер. Мощные, большегрузные машины казались игрушечными вдали — на тонкой нитке горного серпантина. Навстречу им из поселка от мельницы шли пустопорожние машины,

и они тоже казались игрушечными. Но вот подъезжала к экскаватору большегрузная машина — и все становилось реальным, настоящим. Конвейер машин карьер — поселок работал бесперебойно.

Машинист экскаватора «ЭКГ-4» Алексей Киселев улучил минуту, когда груженные машины только что ушли, а новые еще не подъехали к площадке, из которой выбиралась порода, открыл кабину и прыгнул на землю, следом — его помощник Петр Семенов.

Уроженец Курской области, Киселев приехал в Киргизию сразу после войны да здесь и остался. Горный край стал для него вторым родным домом. Работал механиком по буровым станкам, помощником машиниста экскаватора. До сих пор с благодарностью вспоминает своего наставника со школьной фамилией — Меридиан. Михаил Иванович Меридиан многих рабочих обучил своей профессии. Свой богатый профессиональный опыт, незаурядные знания и мастерство он передал Киселеву и Семенову. Как и предполагал наставник, из этой работающей пары получился дружный экипаж. Не случайно экипажу экскаватора на Киргизском горно-обогатительном комбинате одному из первых было присвоено звание экипажа коммунистического труда.

Там, где поработал «ЭКГ-4», открывалась ровная площадка скальной породы — обнажалось рудное тело, как говорят специалисты. Чтобы добраться до него, необходимо провести вскрышные работы. День проходит за днем, и горы отступают перед натиском людей и техники. Вскрыт еще один участок, перемещены горы земли, перевезены отсюда мощными «КрАЗами» и «МАЗами».

Солнце пригрело. Воздух был чист и прозрачен, и дышалось легко и свободно.

Вдали от экскаватора угадывались очертания буровых станков. На сегодня назначен один из самых сильных за последнее время взрывов в карьере, и буровики спешат: необходимо вовремя подготовить скважины для закладки взрывчатки.

Один из буровых станков, «СБШ-250», обслуживают Толен Иманалиев и Ниязбек Сейталиев. В скважины, пробуренные ими, взрывники заложат аммонал, подожгут запалы и...

— Последний взрыв здесь так ахнул, — говорит Толен, — что в поселке стекла в окнах звенели.

Толен на руднике с января 1961 года, сначала был разнорабочим, делал, «что прикажут и куда пошлют». Прихо-

дилось вручную бить штольни. Потом в карьер пришла первая техника — бурильные установки. Потребовались специалисты, и Толен пошел на курсы машинистов установок. Был помощником машиниста на старенькой бурильной установке. Затем — снова учеба, осваивать предстояло более мощный «СБШ-250». Уроженец села Бейшеке Кеминского района, он любит землю, на которой вырос, предан горам, где работает.

Ниязбек — тоже уроженец Чуйской долины. Он на год младше Толена. Служил в Советской Армии. Коммунист.

Чем их — сынов потомственных животноводов — привлекала работа горняка? Романтикой кладоискателей, зарплатой?

— Мы в горах родились, в горах и работаем, — говорит Ниязбек.

А горный инженер Абдылдабек Отогонов сказал об этом так:

— Романтика? Пожалуй. В любом деле без романтики было бы трудно работать, а в горах — особенно. Нашим горам всегда были нужны люди — чабаны, коневоды, пастухи. Сейчас понадобились люди для горняцкой работы — и мы стали горняками. Каждый выбирает свою дорогу в жизни — это так. Но дорога эта должна быть прямой и правильной. Согласны?

Эмиль Ибраев уехал по своим делам, и Абдылдабек остался вместо него за нашего сопровождающего. Он прерывает разговор:

— Видите, машины к скалам подались? В кузове — взрывчатка. — Абдылдабек смотрит вслед проезжающим мимо нас грузовикам. — Сколько, спрашиваете, до взрыва осталось? — Он смотрит на часы. — Успеем еще уйти в безопасное место, — чувствуется, шутит, потом добавляет серьезно: — До взрыва — полтора часа. Пока взрывники уложат взрывчатку, надо людей предупредить, надежно укрыть технику.

Он собирается ехать по участкам — к экскаватору, к буровым установкам... Потом — мы это знаем — обязательно наведается в бригаду взрывников узнать, как у них идет подготовка к взрыву: все ли в порядке, не нужно ли чем-нибудь помочь? Нас с собой не берет. «В целях безопасности», — поясняет он и, прищурясь, со смешинкой смотрит на нас. Советует уехать отсюда подальше, хотя бы к служебному домику горняков.

Уезжать от взрыва? Ради того чтобы присутствовать при этом событии, увидеть взрыв своими глазами, мы и

поднялись сюда, в горы, и вдруг — уезжать?! Говорим об этом инженеру, но он и слышать не хочет.

— Видите этот ковш экскаватора? — Абдылдабек показывает рукой на ковш экскаватора, оставленный на земле неизвестно с какой целью кем-то здесь давно. В его огромной раскрытой пасти свободно мог поместиться человек. — Так вот, если во время взрыва укрыться в нем, то и он не спасет: упадет с неба глыба...

— А что, и глыбы падают?

Усмехается:

— Бывает, и глыбы падают. — И добавляет: — Сами увидите, какие камешки окажутся на этом месте, где вы сейчас стоите, после взрыва.

Он подчеркивает слово «камешки», советует нам поспешить и уезжает. Разочарованные, идем мы не спеша к служебному домику горняков. Там уже собираются рабочие, предупрежденные о взрыве.

Время до взрыва тянется медленно. В небольшую комнату входят и входят рабочие, рассаживаются на деревянных длинных скамейках за грубо отесанным деревянным столом. Кто-то достает костяшки домино, начинается игра, пережидается время вынужденного безделья. Впрочем, безделья и нет. Люди хорошо поработали и сейчас отдыхали, как и мы, ждали взрыва.

Ожидание настораживало, волновало, воображение будили разговоры о самом взрыве, о том, что он даст, сильнее прошлого он будет на этот раз или нет, правильно ли все рассчитали взрывники и не прилетит ли к домику, где они собрались переждать взрыв, такая глыба, хорошо, если только камешки прошелестят...

Кто-то вошел в домик и запретил выходить из него:

— Сейчас ахнет.

Я прильнул к маленькому оконцу, надеясь хоть что-нибудь рассмотреть за домом, но успел только заметить, как что-то вспыхнуло вдали над горами.

— Ракеты, — произнес кто-то из рабочих за моим плечом, пристроившийся рядом у оконца. Разговоры враз смолкли.

Спустя мгновение пол дрогнул под моими ногами — или это показалось мне? Наступила звенящая тишина.

— Все, баста, — произнес кто-то удовлетворенно. — Взрыв — в порядке. Молодцы взрывники — хорошо все рассчитали.

Все, слегка возбужденные, высыпали из домика на дорогу, проходящую мимо него к виднеющимся вдали ска-

дам. Там еще стояло легкое облачко пыли и дыма. Оно плыло вверх, таяло на глазах.

Откуда-то примчался к домику на «газике» Эмиль Ибраев, приоткрыл дверцу, приглашая садиться. Он был радостно возбужден тем, что операция «взрыв» прошла успешно, что взрывники оказались «на высоте», молодцы: такой фронт работ открыли для комбината.

Машина легко катила вниз по горному серпантину к поселку, слегка притормаживая на крутых спусках.

В поселке проехали мимо мельницы. Эмиль заметил:

— Завтра загрохочет, заработает. Дробить, измельчать породу будет...— Прищурился, спросил с любопытством: — Признайтесь, страшиновато было?

— Наоборот, интересно. Теперь есть представление, как открываются кладовые природы,— сказал и подумал, что произнес что-то напыщенное.

— Вот как,— доверительно произнес инженер. — Говорите, кладовые природы... А мы, значит, открыватели. — Он радостно, счастливо рассмеялся.

...По приезде домой я отыскал на полке книгу, раскрыл ее, нашел запомнившуюся страницу. Да, вот как было: «Когда в 1921 году издававшаяся в Пишпеке (сейчас город Фрунзе) русская газета обратилась к читателям с просьбой сообщить о где-либо замеченных ими горнорудных ископаемых, ни одного письма не пришло в ответ. Горы были еще «заколдованными», кочевники — неграмотными и газет не читали. Спустя десять лет газета «Советская Киргизия» обратилась к читателям с той же просьбой, и на редакционный стол буквально ливнем посыпались письма... В одном из писем сообщалось о нефтяном источнике, которым «к прискорбию... никто до сих пор не интересуется», в другом рассказывалось, что в дни гражданской войны басмачи лили пули из свинца, который они добывали там-то и там-то. С этих писем началась полоса открытий. В разные концы Киргизии отправились экспедиции, отыскившие месторождения нефти, и уголь, и залежи полезных ископаемых».

Да, вот как было, как начиналось...

«Тянь-шаньские хребты,— пишет Виктор Виткович в своей книге «С вами по Киргизии»,— ныне «расколдованы» геологами. Сказочные богатства были найдены ими в земле, на которой столетиями мерзли кочевники, сидя у очагов в своих юртах... Из девяноста двух элементов менделеевской системы около шестидесяти нашли в Тянь-шаньских горах геологи».

Эти природные богатства поставлены на службу народному хозяйству.

...Годы меняют горы, они меняют жизнь, людей. Прошло немало времени, как для меня впервые в жизни прозвучал взрыв в горах. Где теперь Эмиль Ибраев, Абдылдабек Отогонов, Толен Иманалиев, Ниязбек Сейталиев, Алексей Кисилев, Петр Семенов, каким делом занимаются сейчас? Как сложилась их судьба после памятной мне встречи?

Знаю, твердо убежден в одном: они не напрасно прожили все эти годы в горах. Горам всегда нужны крепкие и надежные люди.

ЧАС ЗОЛОТОГО ПОЛДНЯ

К вечеру из ближнего ущелья дохнуло холодком, ветер потянул ознобно и ровно, прижал невысокую траву, крутанул листья кустарника-джерганака над берегом шумливой речушки. Один лист не выдержал натиска, сорвался, мелькнул легкой желтизной, словно старое, лежалое письмо, и рванул куда-то вверх, вверх — первым приветом осторожно подступающей осени.

Осень в горы приходит много раньше, чем в долины. Лето здесь летуче и скоротечно, до обидного стремительно. Но и прекрасно оно своими алыми закатами, скромным, неярким цветом альпийского разнотравья, хрустально-зыбкой прозрачностью воздуха. Вот это-то все и не забывается никогда теми, кто хоть раз побывал на тянь-шаньских джайлоо.

— Знаете,— говорил мне чабан Сейдекерим Алжанбаев, который не один десяток лет кочует с высокогорных выпасов на зимовки и обратно,— осенью спустишься в долину, рад — дома. Зиму переждешь, с расплодной кампанией закончишь, и уже весь мыслями снова там, на высокогорных джайлоо. Нетерпение такое, что сердце щемит...

Мы сидим на прогревом пригорке, подстелив небольшую кошму. Пора гнать отару к стоянке, но Сейдекерим не торопится. Он сдвинул шляпу на затылок, блаженно полуприкрыл глаза. Эти минуты, когда солнце вот-вот спрячется в карман между двумя горными пиками и уже выплыла на небосклон рогатая луна, быть может, для чабана самые заветные. В такое время хорошо, чисто и светло думается, в такие мгновения четко и ярко разворачивается чуть выцветший ковер прошлого, далеко вперед просматривается нетоптанная пока дорожка будущего...

Много лет подряд он пригоняет сюда, к перевалу Кызарт, свою отару. Разбивает юрту, обживаетея прочно и основательно, и очаг ставит крепкий и надежный — не временный он здесь жилец, хотя и коротки летние денечки. Младшие дети на летовку кочуют сюда вместе с родителями, а потому тем более быт должен быть обставлен солидно. Чабан живет на два дома — и зимовка, и джайлоо

и для него самого, и для его семьи — словно две маленькие, но равно дорогие родины.

Здесь каждый куст знаком Сейдекериму, каждый камень овеян легендой, слышанной когда-то от старших. Он рассказывает мне быль о Кызарте.

— Было это давным-давно. За этим перевалом должен был состояться айт — праздник. Сорок девушек оседлали лошадей и отправились на праздник. Тридцать девять из них были одеты красиво и богато — зажиточно жили их родители. А сороковая была дочерью бедняка-кедея. Одеть ей было нечего, кроме отцовского тулупа. Смеялись и издевались богатые девушки над дочкой батрака, брезгливо сторонились ее. Так и ехала она в сторонке от них... Только поднялись на перевал, как внезапно грянула снежная буря. Замела-закружила, ударила морозом. К ночи вернулась домой только бедняцкая дочь. Потому что был на ней отцовский тулуп, он-то и согрел и спас ее во время ненастья. А богатые девушки, разряженные в шелка и в бархат, так и замерзли, сгинули. Спускали их с перевала, привьючив к лошадям. Оттого и называется теперь так этот перевал: «кыз» по-киргизски — девушка, «арт» — вьюк...

Долго молчит Сейдекерим, смотрит вприщур на дальние склоны, словно взглядом памяти проникает сквозь века, и видит ту страшную метельную ночь, когда только отцовское тепло и смогло уберечь чабанскую Золушку.

За названием каждого урочища стоит для Алжанбаева свое предание, своя легенда или быль. Вот урочище Донуз — говорят, когда-то там водилось множество кабанов. Вот Беш-Кемпир, в котором пять старух, потерявших своих стариков, собрались когда-то вместе зимовать, вместе перемогать беду...

Знание это, перешедшее от предков, для Сейдекерима — тоже словно бы отцовское тепло, передаваемое от поколения к поколению, греющее сердце, утешающее в трудную минуту, веселящее в радости. Он и детям своим передает это знание, потому что твердо уверен: очень оно им в жизни пригодится. В ней, в этой памяти — доброта и милосердие, корни рода и ствол народного неистребимого дерева.

...Фырчит у очага старенький, начищенный до блеска тульский самовар. Как он залетел сюда, в самое сердце Тянь-Шаня? Переходит из рук в руки пиала с крепким, перехватывающим дух кумысом. Кто-то шутки ради даже подносит к пиале горящую спичку — не вспыхнет ли?

Закончен еще один трудовой день. Пора переломить лепешку над достарханом. Можно рассказать заезжему гостю о своей жизни. Это и ребятишкам полезно — вон они как постреливают глазами, ожидая отцовской неторопливой беседы. Обычно Сейдекерим молчалив, сдержан, немногословен, как настоящий горец, но тут — особый случай...

Рос сиротой, поднимала его бабушка. Кормильцев не было, а времена выпали трудные, потому и работать он начал рано. Впрочем, и детство-то у него было от труда неотделимо — собирал кизяк на топливо, помогал овец пасти, подвозил в поле воду. После восьмого класса, в грозном 1942-м стал рабочим совхоза, поливальщиком, арабакешем — погонщиком быков, дело-то было знакомое и привычное.

Жену взял тоже из сирот, так и зажили с Сонунбюбю своим домом. Хотя какой там дом, не было у них никакого имущества. Были только крепкие, работающие руки, вот на них и надеялись. До 1947 года только присматривался к труду чабанов, помогал им в дни сакмана — расплодной кампании, но пришло время, и сам взял в руки таяк — чабанский посох.

Для начала дали им с Сонунбюбю ярок. Ах, какими же молодыми и неопытными они с ней были! Сейчас, с высоты прожитых лет, Сейдекерим и сам дивится той отчаянной смелости, с которой они взялись за неизведанное дело. Это со стороны легко было смотреть, как чабан управляет с отарой — будто бы играючи, без особого напряжения сил. Ан нет, когда дело дошло до самостоятельной работы, стало ясно, какой же это напряженнейший, требующий высокой квалификации труд.

Причем, тут надо еще сделать поправку на время. В начале пятидесятых годов не было у чабанов ни таких кошар, какими они владеют сегодня, ни чабанских благоустроенных домиков на зимовках, ни нынешних запасов кормов. Да сказать по чести, Сейдекерим и Сонунбюбю и юртой для джайлоо еще не успели обзавестись.

А сколько трудностей подстерегало их на чабанских тропах. Однажды ночью перед самым расплодом хлынул невиданный дождь, не дождь — водопад какой-то, а после этого ливня еще и град резанул. За белой сплошной пеленой потерялись напуганные овцы. Искали их до утра. Что уж теперь скрывать: плакали оба — пропади отара, вовек не рассчитаешься. А у Сонунбюбю к тому же на руках был грудной ребенок.

Нашли отару в каком-то дальнем отщелке, уже в разгар следующего дня, когда и надежду даже потеряли. Вздохнули с облегчением, но для себя решили: все, хватит чабанствовать, видать, не по плечу им это дело. Пришли к директору совхоза с заявлением. Но тот чуть ли не на коленях упросил их малость погодить, не торопиться с таким категорическим решением. Чабанов в хозяйстве и так не хватало, а тут, если еще и они уйдут, тогда и вовсе зарез...

Вошли в положение директора, скрепя сердце остались — совестно было бросать отару в такое тяжелое время. А в Сейдекериме еще и чисто мужская гордость выиграла: другие могут, а я что — хуже?!

Вот эта его гордость и достоинство мужчины, а еще безграничная преданность, терпение Сонунбюю и помогли им выстоять. Хотя после той ливневой ночи случались испытания и потяжелее.

Как-то на участке Ак-Бель на отару напали волки. Тьма стояла непроглядная, жуткая. Они переглянулись, когда услышали вокруг вой волчьей стаи. Сейдекерим взял в руки палку покрепче — ружья в ту пору у них не было. Быстро разожгли сухой кизяк, жгли-дымили всю ночь напролет. Алжанбаев до самого утра ходил караулом вокруг таш-коро — каменной круглой ограды, за которой пряталась отара. Не вздремнула и Сонунбюю...

В те годы кормов и концентратов еще не заготавливали, надежда была только на пастбища. И они искали их, берегли, овец старались пасти так, чтобы раньше времени не стравить подножный корм. И больше всего боялись джута — гололеда на пастбищах и бескормицы. Но даже и в такие зимы умудрялись спасти скот. Это умение, накопленное за годы чабанских странствий, и по сей день помогает Сейдекериму, хотя нынче уже всегда есть в резерве и сено кормовых трав, и комбикорма, и грапулы витаминной муки.

В 1954 году Алжанбаеву впервые доверили маточную отару. И снова началась тревожная жизнь — надо было готовиться к окоту, умело проводить его, выхаживать слабых ягнят.

В 1961 году Алжанбаева приняли в партию. Сомнений у товарищей не было: Сейдекерим стал к тому времени одним из лучших чабанов совхоза «Кочкорка». Даже первоокотки давали ему больше ста ягнят на каждую сотню маток. И почти всех их сохранял, доводил до летней отбивки. Самых слабых пестовал и выхаживал прямо в своей юрте, а все-таки спасал.

Тут надо сделать небольшое отступление. В этом месте своего рассказа Алжанбаев слегка покраснел, но того, что произошло потом в его жизни, не утаил. Надо же, прошло с тех дней два десятилетия, а он до сих пор переживает, стыдится. В 1962 году бюро райкома партии объявило ему строгий выговор за падеж овец. Что же произошло? За давностью происшедшего я не стал его расспрашивать о причинах, беречь старую рану. То ли кормов не хватило, то ли болезнь какая на отару напала, то ли просто самопожертвование проявил, а может, все вместе, но только урок он получил суровый.

А дальше — только по восходящей шла его жизнь. Я исписал в блокноте немало страниц, пытаясь хотя бы в телеграфном стиле успеть перечислить все его награды и отличия. 1966 год — награжден орденом Ленина. Тогда он получил по 135 ягнят от ста овцематок. 1971 год — второй орден Ленина. 1973 год — орден Трудового Красного Знамени. 1976 год — орден Октябрьской революции. Делегат XV, XVI, XVII съездов Компартии Киргизии. Неоднократно избирался членом районного комитета партии, членом его бюро, членом парткома совхоза, был депутатом областного, районного и сельского Советов. Отмечен четырьмя Почетными грамотами Верховного Совета Киргизской ССР. Ему присвоено звание заслуженного животновода республики. Не раз становился медалистом ВДНХ...

Что ж, все это и справедливо и закономерно. Трудящийся человек, он и создает материальные блага, и управляет республикой, страной. Образно говоря, для Сейдекерима Алжанбаева наступил в жизни золотой полдень — время, когда пришла жизненная мудрость, сцементированная прочным и богатым душевным опытом, время, когда здоров и бодр, и эта духовная и телесная гармония позволяет приносить людям максимальную пользу. И люди хорошо знают цену этой зрелости, которая умеет и может принимать на себя груз полновесной ответственности. Потому и государство, народ воздают ему за его труды сторицей...

Как член парткома совхоза, Алжанбаев принял наставничество над семью чабанскими бригадами. Коллектив немалый — 21 человек, и шефствует над ним Сейдекерим уже шестой год. В прошлом году в среднем по группе его чабаны получили по 130 ягнят на сотню маток, настригли по 5,4 килограмма шерсти. Цифры эти — лучший статистический портрет его подшефных бригад. К этой своей партийной нагрузке Алжанбаев относится чрезвычайно серьезно. Изо дня в день ведет дневник наставника, заносит туда

самые, казалось бы, незначительные замечания и события. Но они мало что говорят только стороннему человеку. Для Алжанбаева же за каждой строкой — жизнь и труд его товарищей.

Я прошу Сейдекерима показать этот дневник. Он достает его прямо из-за... голенища сапога. Дневник всегда с ним, и записи в нем делались то в седле, то при свете керосиновой лампы, то в кошаре, то просто на пригорке, когда выдавалась свободная минута.

Здесь есть все — когда в последний раз объезжал отары, краткие отчеты о ежемесячных собраниях партийной группы, закрепление урочищ за чабанами. Есть здесь и особо памятные события, так или иначе проявляющие черты его подшефных. Вот несколько записей, о которых есть смысл рассказать более подробно.

Однажды Алжанбаев приехал к молодому чабану Калмырзе. Пригляделся к овцам. Что это? Они заметно похудели, выглядели заброшенными и неухоженными. Так в чем дело? В прошлый раз, совсем еще недавно овцы были упитанные, сытые. И сам Калмырза считался неплохим чабаном, дисциплинированным и даже инициативным комсомольцем.

Вышел парень навстречу Сейдекериму, слегка пошатываясь. «Да он, никак, выпил», — подумал Алжанбаев. Так и есть...

Оказалось, что к Калмырзе в отару зачастили дружки — из тех, что любят выпить на дармовщину, готовы день-деньской проводить время в пустопорожних разговорах, ожидая, пока поспеет бешбармак. Они усердно похваливали молодого чабана за щедрость и гостеприимство, вымогая тем самым очередное угощение. И Калмырза старался, торопясь угодить друзьям по застолью. Об овцах заботиться уже не оставалось ни времени, ни сил.

На следующий день Алжанбаев прямо на стоянке Калмырзы созвал открытое партийное собрание всей группы чабанов.

— Тебе доверили отару, народное добро, ни много ни мало полтысячи животных, а как ты относишься к этому доверию?! — сурово отчитывали молодого чабана товарищи. — Как смеешь позорить звание чабана?

Но словами дело не кончилось. После собрания все вместе еще раз осмотрели овец, разделили на группы по упитанности. Самым слабым было решено задавать побольше сена и концентратов. Дружно убрали накопившуюся во круг кошары грязь. Калмырза от стыда не знал куда глаза

девать. Урок подлинной, а не лицемерной, корыстной дружбы получил он в тот день. И уже не забывал его никогда. Выправился молодой чабан, стал получать хорошие приплоды и настриги шерсти. А дружков-выпивох навсегда отвалил от своей стоянки.

Но когда надо, Сейдекерим и его товарищи по партгруппе могут быть и бескомпромиссными. Есть у Алжанбаева в дневнике наставника и такая запись. У одного из его подшефных чабанов Джылкычы года два назад обнаружилась нехватка ягнят, хотя до этого сводки он подавал вполне приемлемые. В чем же дело? Джылкычы только разводил руками, говорил понуро:

— Большой падеж случился, эпидемия, видно...

А сам как-то неуловимо прятал взгляд.

Тут что-то было не чисто. Ночью чабаны внезапно подъехали к отаре Джылкычы, пересчитали ягнят. Их оказалось даже больше, чем ожидалось. Наутро было объявлено собрание партгруппы. Коммунисты потребовали от руководства хозяйства освободить Джылкычы от работы за нечестность и неискренность. И добились, чтобы требование это было выполнено.

Конечно, далеко не сразу группа чабанов, в которой наставничает Алжанбаев, достигла таких выдающихся результатов, какие показала в прошлом году. Поначалу дело у многих не ладилось. Разнобой в показателях был весьма заметным. Сейдекерим долго искал причины, ведь, казалось бы, все находилось в равных условиях: и корма у всех одинаковые, и рационы рассчитаны равные, и кошары у всех неплохие, а вот итоги заметно отличаются. Скажем, что мешает тем же Мусе Казиеву и Каракойчу Тентимшеву не отставать от передовых чабанов? Долго Алжанбаев анализировал все составляющие их работы, пока не определил точных причин отставания. Пожалуй, в их отарах находился больше, чем в своей собственной. И все же сумел вывести этих чабанов из прорыва.

В наставничестве у него свои методы. Так, он решил брать в свою отару выпускников-десятиклассников. Но еще в старших классах начинал присматриваться к ним. Для начала брал их к себе на «малый сакман» — то есть только на время самой расплодной кампании в отаре. А потом наиболее смекалистых и работающих приглашал на «большой сакман», когда начинающий чабан ходил с ним до летней отбивки ягнят. Причем, во время «большого сакмана» молодой чабан лично отвечал за половину отары наставника.

Такую школу прошла у него Джумакан Шадыбаева. Сейчас ее комсомольско-молодежная бригада завоевала одно из первых мест в республике среди молодежных чабанских коллективов — нынче она получила по 147 ягнят от сотни овцематок, настригла по 4,8 килограмма шерсти.

Чабанские университеты проходил у Алжанбаева и другой молодой чабан — Центрбек Устаев. Он тоже отличился в этом году — приплод в его отаре составил 135 ягнят от сотни маток, а по шерсти он взял едва ли не ведущее место в хозяйстве — по 5,7 килограмма с овцы.

Впрочем, и выпустив своих питомцев в большую жизнь, Сейдекерим продолжает за ними присматривать. Недавно, как свидетельствует дневник, он нагрянул в отару Джумакан Шадыбаевой и отчитал ее за то, что она не измельчает грубые корма. А потом еще и на собрании партгруппы досталось ей от товарищей за нерадивость и самоуспокоенность.

— Успехи твои в нынешнем году нам известны, — говорили они, — но смотри, не заболей зазнайством. Очень опасная болезнь! Знаешь, есть у овец «вертячка» — ценуроз, когда больная овца начинает кружить на одном месте. Зазнайство — та же «вертячка». А тебе расти надо, вперед смотреть!..

Время окотной кампании — сакман — Алжанбаев считает самым решающим в жизни отары. Это — своего рода страда. Она служит базой всему содержанию чабанского трудового года. На сакман падает самое большое напряжение. Во время окота у самого Сейдекерима трудится 11—12 помощников-сакманчи. Самая большая забота Алжанбаева в эти дни — о них. Старается так организовать распорядок дня, чтобы у сакманчи всегда было хорошее настроение, отлично налаженное питание, полноценный отдых. Ведь именно от их старания напрямую зависят и его успехи.

Для своих сакманщиков Алжанбаев каждый год выделяет свою личную «премию» — 11—12 голов овец из собственного стада, которое получает от совхоза в счет натуральной оплаты. И все же, полагаясь на сакманщиков, полностью доверяя им, он, тем не менее, каждую ночь сам находится в родильном отделении, урывая для сна лишь три-четыре часа в сутки. Не один килограмм веса потеряет чабан за время расплодной кампании, похудеет, потемнеет от усталости, зато и результаты своего труда видит воочию — веселых, сытых, здоровых ягнят...

Мы не раз бывали у Алжанбаева. Во время предыду-

щего приезда — как раз после расплодной кампании, итоги которой превзошли все ожидания: в своей отаре получил по 155 ягнят от каждой сотни маток — был он в отличном настроении, какой-то размягченный, душевно оттаявший. Водил меня по своей зимовке, где аккуратно были сложены тюки прессованного сена, прикидывал, на сколько его хватит. Выходило, что как раз до перегона овец на летние высокогорные выпасы.

Было начало марта. Склоны гор, источенные селевыми потоками, напоминали кору засохших карагачей. Внизу, на каменистых осыпях бродила отара. Не было видно ни единой травинки, но овцы что-то усиленно искали в этой голой щебенке. Пулеметными очередями вылетала она из-под маленьких копытцев. Алжанбаев усмехнулся.

— Ищут сладкие корешки. Овцам из других долин такое не под силу. Если какую и привезут сюда — ничего не может отыскать, привыкла тебеневать, так и стоит, бедная. А мои наловчились, с малолетства здесь...

Полчаса назад Алжанбаев перевел мне название этого урочища — Арсы, что означает «Желанное». А вокруг — только осыпи, голый камень, холодный звон ручья да разбойничий посвист ветра. Но вот есть же что-то в этом неприветливом каменном каньоне, коли назвали его желанным? Видно, так уж устроен человек, что место, где началась его жизнь, где сияли ему зарницы юности, где камни политы его жарким трудовым потом, где рождались и росли его дети, навсегда останется самым дорогим и заветным. И какое ему дело до того, что кому-то это урочище напоминает лунный пейзаж...

Алжанбаев тихонечко свистнул, и откуда-то из-за кошары вылетела большая лохматая собака — такая выйдет один на один с волком и устроит ему крепкую трепку. Кумайык — кличка собаки, так называли ее по имени громадной сказочной птицы. Опять легенда...

Подумалось: скупые краски гор, суровость окружающей природы чабаны «уравновешивают» вот такими маленькими деталями не случайно. Красота нужна человеку, он ищет ее в звучном слове, в резьбе на костяной рукоятке камчи, в коврах домашней работы, устилающих пол его юрты. Кстати, иная хозяйка по десятку лет трудится не покладая рук над украшением своей юрты. Да так, что гость чувствует себя в ней, словно внутри яркого, нарядного цветка...

Желание украшать свой уклад жизни, облегчать труд в горах так же неистребимо, как и повсюду на земле. Сек-

ретарь парткома совхоза К. Макеев рассказывал мне в гот приезд:

— До чего же беспокойный человек этот Алжанбаев! Стоит ему чего-то добиться, глядишь, а у него уже новая идея. Когда он появляется в конторе, руководители совхоза уже знают: опять Сейдекериму запала в голову какая-то мысль. Продумал ее, просчитал, на любое возражение уже есть свой контрдовод. И не дай бог, если начнешь тянуть с ее реализацией — настойчивый он, своего добьется...

И привел такой пример. В урочище Тюндюк, на высоте четыре тысячи метров над уровнем моря нет своего источника. Воду приходилось возить за полсотни километров. А водопой у овец должен происходить в срок, не напои вовремя животное, и оно сразу начнет худеть. Ну, а машина есть машина — то опоздает, то в пути поломается. Тогда Сейдекерим предложил километрах в трех от пастбища, там, где били небольшие источники, вырыть бассейн и собирать в него воду. Копали его всем миром, директор совхоза прислал технику, и вот теперь у отар в Тюндюке есть свой водопой. Алжанбаев скрупулезно подсчитал все выгоды этого предприятия — тут и экономия бензина, и сбережение техники, и удобство для чабанов, и привесы в отаре.

В другой раз добился того, чтобы пробили дорогу в отдаленное урочище Сенкильтай. Теперь туда можно кочевать не только с вьюками, конными караванами, но и добираться машиной. И опять все подсчитал — тут и сокращение времени перегонов, и возможность брать с собой малых ребятишек, семьи, и экономия на транспортных расходах.

...Крепкие каменные мускулы предгорий были туго обтянуты велюровой шкурой трав, уже заметно начинающих рыжеть. Я уезжал. И по глазам Сейдекерима было видно, что он завидует мне. Но не тому, что я спускаюсь в большие шумные города. Созерцатель по натуре, он никогда не рвался туда. Просто наступил сентябрь — пора перегонов. И ему не терпелось седлать лошадей, сворачивать юрту. Где-то там, за обрывистыми и крутыми перевалами ждала его зимовка в урочище Арсы. В урочище, которое по-киргизски зовут «Желанным»...

МАЛИК АКЧАБАЕВ — БРИГАДИР И АГИТАТОР

В село Хиля, в котором Малик Акчабаев родился, вырос и стал Героем Социалистического Труда, мы ехали вместе с ним. Слева и справа от дороги — хлопковые поля, окаймленные ожерельем тутовника. Они уходят в знойную, душную, как вата, дымную даль. К раскаленной ленте асфальта прилипают колеса нашего «Москвича».

Печной жар... Кажется, солнце само уже плавится в раскаленном мареве. Малик, прищурив глаза, сосредоточенно вглядывается в поля, которые убегают назад и появляются вновь. Мне рассказывали: Акчабаев — мастер-хлопкороб, и все же, чтобы начать разговор и проникнуть в тайны его раздумий, задаю первый попавшийся на язык вопрос:

— А что означает в переводе название вашего села?

— В переводе — ничего. Но означает: хорошее село, хорошая земля, хорошие люди, — и улыбнулся. На орденах и медалях заискрились, заиграли ослепительно ярко-синие звезды. И опять умолк.

— Что-нибудь случилось дома?

— Нет, все в порядке, — с такой же щедрой и доброй улыбкой ответил он. И продолжал глядеть на убегающие вдаль клетки хлопчатника. А они были разные: одни густозеленые, другие с плешинами, на третьих — куст от куста в полуметре. Запоздалая, затяжная весна не дала возможности вовремя посеять, а затем сокрушительные сели смыли всходы, оставив глубокие шрамы на земле, которую так старательно готовили к плодородию карасуйские хлопкоробы.

Стихия черным крылом основательно задела поля арапанцев, баткенцев, сузакцев... Делали люди все возможное — пересеивали, подсаживали, вносили дополнительно удобрения, лелеяли каждый рядок, каждое растение, и все же поля не приобрели той красоты, которую можно только и сравнить что с плотными, налитыми силой дубками в лесопитомнике.

Вернувшись домой, он расскажет своим товарищам в бригаде, поделится увиденным и мыслями... Кара-Суйский район, в котором он был в составе проверочной бригады, —

крупнейший в Ошской области по производству хлопка. И если он не вырастит намеченный урожай, недодаст хотя бы один-два процента, то наверстать недобор в масштабах области будет трудно. А Малик был на полях колхозов имени Калинина, имени Фрунзе и видел, как трудно звеньевым, поливальщикам, женщинам, для которых хлопков — их радость и забота, гордость и честь, достаток в семье и хлопкоробская слава — пример для детей и внуков. Скажет о том, что бригада и соседи по колхозу, передовые звенья в его родном Ленинском районе могут на каждом гектаре вырастить дополнительно пусть по одному центнеру с каждого гектара — и уже солидная прибавка к тем обязательствам, которые взяли ошские хлопкоробы на нынешний год.

Как засвидетельствовали специалисты, на начало июля не вступило в фазу бутонизации более 30 тысяч гектаров посевов хлопчатника — 42 процента посевов, а в прошлом, тоже не очень-то благоприятном году, таких полей в области было всего три процента. Об этом тоже рассказывал Малик Акчабаев своим землякам. Депутат Верховного Совета Киргизской ССР, Герой Социалистического Труда, он мыслит и думает не об одной своей бригаде — его интересы шире, он там, где трудно и радостно, чтобы в одном случае помочь советом, в другом — поддержать людей добрым словом, своей искрящейся, оптимистической улыбкой.

— И все же, как наверстать эти двадцать — двадцать семь дней, украденных стихией?

— Трудное это дело, — говорит, раскрывая грецкий орех небольшими, но упругими пальцами бронзовых рук. — Хлопку сейчас нужны тепло и вода, забота. Воды много — солнце плавит ледники. Не полить вовремя — подсохнут, опадут бутоны. Переборщишь с водой или дашь больше удобрений — позже созреет, тогда уборка придется на осенне-зимнее ненастье. А в такие годы, как нынешний, на ослабленный хлопок стремится напасть притаившаяся совка. Не досмотришь — под корень срежет посевы.

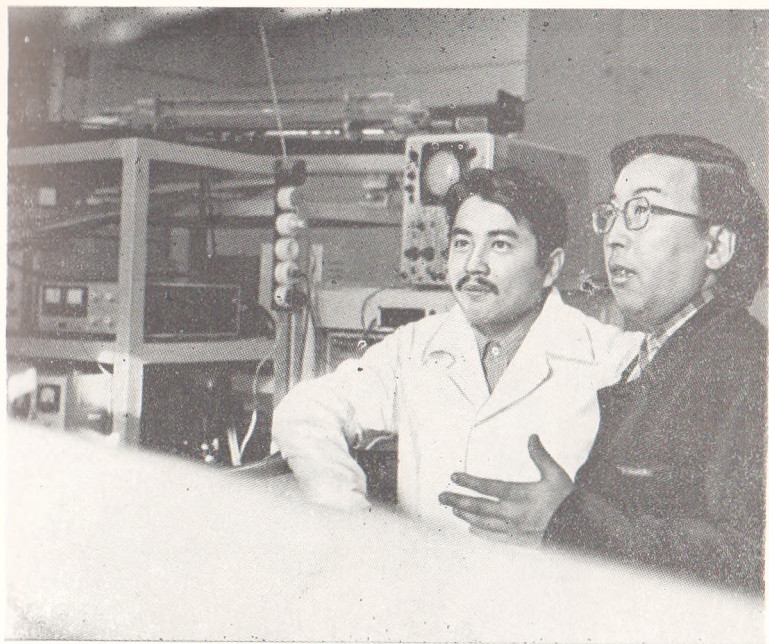
Он знает, как и когда сеять, сколько за сезон надо полить и прорыхлить, сколько в каждом конкретном случае хлопчатник должен получить удобрений, как пользоваться картой севооборотов, как влияет на хлопок дневной зной и ночная прохлада, и что нужно сделать, чтобы все эти факторы или объединить, или какой-либо из них нейтрализовать для получения высокого урожая. В его голове, как мне сказали, — целая «хлопковая академия».

Рано утром мы были на полях бригады. Малик в своей

Операция проведена успешно, жизнь человека спасена... Сколько таких благородных дел на счету хирурга, отличника здравоохранения СССР Кудаша Момонкулова! Работает он в центральной больнице Токтогульского района, но его знает каждый житель обширной Таласской области.

Ученые республиканской Академии наук работают над разработкой и исследованием генераторов низкотемпературной плазмы и их применением в народном хозяйстве. Исследования проводят старший научный сотрудник, кандидат физико-математических наук Муратбек Асаналиев и старший инженер Мырзабек Керимкулов.

Институт автоматизации Академии наук Киргизской ССР проводит исследования по созданию систем автоматизации различных производств. На снимке: член-корреспондент Академии наук Киргизской ССР, профессор В. Живоглядов и аспирант К. Узакбаев.

В лаборатории химии целлюлозы Института органической химии Академии наук республики...
Кандидат химических наук Зарыл Шаршеналиева
наблюдает за синтезом медикаментозных средств.

спецовке, незаметно от меня, расспрашивал, как чувствуют себя ребятишки на шипане — полевом стане. Их больше двадцати — в кроватках-качалках под навесом и в прохладной комнате в обыкновенных детских кроватках. Одни сопели и, видимо, видели детские сны, другие неугомонно резвились, стараясь непременно выбежать за «запретную зону» — в поле, где колдуют над рядками хлопчатника их матери, или поплескаться в мутно-желтой воде, которая по лоткам и арыкам, пенясь и взбухая, стремится на колхозные поля.

От бригадного стана в бескрайнюю угарно-дымчатую долину уходят хлопковые поля с удивительно ровными рядками. Правее — золотом отливают стерня. Судя по копнам, урожай зерновых получили немалый.

— Это тоже ваше?

— Наше. Закончили убирать пшеницу. Завтра увезем солому и начнем пахать. Посеем кукурузу на силос...

Вот тебе и на! Ехал к бригадиру-хлопководу, а у него... Целое хозяйство: хлопчатника почти 120 гектаров, люцерны — 20, пшеницы — 13, кукурузы на зерно — десять и еще пятнадцать на силос. Так кто же такой Малик Акчабаев? Одновременно бригадир, агроном, инженер, механик, а еще «шеф-повар» и старший воспитатель няnek и поварих на бригадном стане. Председатель колхоза Юсуп Мамбеков, тоже Герой Социалистического Труда, и секретарь парткома Утур Исмаилов высказались категорично: где надо, где трудно — Малик всегда на месте.

— Сдают кукурузу — сам проверяет. А другие, есть они и у нас, — «ну и пусть». У Малика — чай и хороший обед для поливальщиков, детский пансионат, который вы видели. У других — чтобы попить чаю — иди домой. А если так, то чай-пай — это три-четыре часа. Когда Малик спит, мы даже не знаем. Но знаем одно: не было случая, чтобы даже ночью поливальщики, уставшие от кетменей, остались без ужина или раннего завтрака.

Невысокого роста, крепко скроенный, в сером рабочем костюме, с блокнотом и ручкой в нагрудном кармане и со свертком свежих газет в руке, он привез меня еще на один хирман. Почтительно, но с добрым и радостным чувством встретили его люди. Улыбались женщины, повизгивали от радости ребятишки, почтительно уступали место молодые ребята.

— Рахмат, спасибо...

Но душистого зеленого чая пришлось отведать. Я заметил, как не хотелось хозяевам расставаться со своим бри-

гадиром, но, глядя на меня, гостя, они понимали: Малик должен еще показать, повозить по полям, которые лучшие слов расскажут о трудном хлопкоробском деле. Поздно вечером в благоухающем саду, на деревянной веранде он ответил мне на вопрос: откуда такое знание «секретов» хлопководства, отчего такая уверенность в людях?

— Простое это дело, — улынулся он. И уже при свете луны его лицо озарилось опять-таки по-новому, стало задумчиво-строгим. Видно, нахлынули воспоминания...

— Отец мой, Акчабай Омаров, тоже родился здесь. Имел клочок земли и платил дань хозяину — земля тогда была не нашей. Когда образовался колхоз, стал поливальщиком, мать ему помогала и растила детей — пятеро нас, три сына и две дочери...

Под началом отца Малик постигал величайшее из искусств — трудиться до пота. В семнадцать лет — звеньевой, через четыре года — неосвобожденный председатель ревизионной комиссии колхоза. Встал вопрос о выращивании кукурузы на зерно и силос для ферм — направили его туда бригадиром. Он посылывал мне те земли-неудобья, куда еле-еле доходила вода по старым арыкам. Ночами, когда спадает водная жажда, вместе с ребятами выходил на полив.

Выдалась кукуруза — мало приветливая в этих местах культура. Однако отладилось дело. Приглашают в партком, затем на заседание правления, говорят: плохо с девятой бригадой. Давай, Малик, возмись... Трудно? Да! Но и честь великая — доверяют тебе. В первый же год урожайность хлопка «подскочила» на четыре центнера, еще через год — на шесть. В правлении дали справку: в 1976 году бригада Акчабаева получила рекордный в предгорной зоне урожай — 52 центнера с гектара, в следующем — столько же, а в прошлом — более 54.

— Отец мне, когда я еще был у него помощником-поливальщиком, сказал: «Каждый аршин земли (бир нукум жер) — что человек, один не похож на другого. Смотри, земля что мать, она дает жизнь, твои руки украсят седины матери и седину земли. Помолодеет и будет вечно молодой». Строг и требователен был отец. Но, как истинный труженик, эту мысль о предназначении земледельца он внушал трем сыновьям и двум дочкам.

Помотавшись с ним по полям бригады, колхоза и даже по соседнему району Узбекистана, попросил:

— Малик, давай умоемся...

— Сейчас, осталось проехать два километра до нашего нового канала. Там умоемся. Строить начали в прошлом году, в этом закончим. — И... радостно обнажил свои белые зубы: — Новый сад на тридцати гектарах. А там и картошка-маркошка и всякие сладости для детей, а для колхозников — настоящий пансионат.

Едешь мимо этого будущего сада — и не видно ни солища, ни склонов — все окутала недвижная, горяче-мутная мгла. Остановились у арыка — умыться, охладиться. Не та вода, которую называют хрустальной, а мутно-желтая, но напитанная и насыщенная всей мощью плодородия. Умылись. И все равно будто печной чад обволакивает тебя с головы до пят. А Малик радуется...

— Хлопку сейчас нужно тепло. И нужна вода. И нужны заботливые руки. Он ведь как ребенок — корми, лелей, пока не вырастет.

На бригадном стане, в прохладной, аккуратно прибранной комнате собрана литература о хлопке. Здесь можно прочитать брошюры, статьи из журналов и газет. Бригадир следит за новинками и сам подбирает нужный материал для бесед с хлопкоробами о мастерстве, древнейшей земледельческой профессии. Чтобы знать, учить других, самому надо учиться. И не только у известных хлопкоробов, по журнальным и газетным статьям. Малик поступил в Ошский сельскохозяйственный техникум. Непросто спрессовать время, чтобы управлять бригадой, исполнять депутатские обязанности, учиться самому и учить других, воспитывать людей. Однако же он успевает. Крепкие плечи подставляют бригадиру механизаторы Чиман Жолдошев, Момыш Баратов, Шакар Масилова, Ибраим Холдошев, Тулямирза Ибраимов, Маматчан Камбаров, Кимсанбай Сатымбаев...

Все они удостоены высоких правительственных наград, золотых и серебряных медалей ВДНХ СССР.

Без ложной скромности Малик сказал:

— Это с их помощью в семьдесят третьем году меня наградили орденом Ленина, люди меня удостоили звания Героя.

В скромном сельском доме рано утром нас встретила его жена — Махпурат, тоже коммунистка, работает в бригаде мужа. Дочь — студентка Андижанского института хлопководства, и по успеваемости соревнуется с отцом, сынишка Алуйбек — первоклассник. В семейном альбоме — диплом и грамоты, которых удостоен отец. Золотые и бронзовые медали ВДНХ СССР, а в наш приезд к ним

прибавилась Грамота лауреата Государственной премии Киргизской ССР.

Я уже прощался с Маликом, как вдруг к нему подошла женщина. Познакомились: Суюмбу Толенова, бригадир второй бригады, знатная и тоже отмеченная наградами хлопкороб. Позже Малик выдал «секрет» разговора с товарищем по труду.

— Спрашивала она, как быть сейчас, когда не одновременно цветет хлопок? Ответить: «Бери кетмень и ходи по каждому ряду»? — Он смеется. — Нет, я ей сказал: «Посмотри каждое поле, каждый участок — какому из них что надо: воду или удобрение, рыхление или прорывку. Посмотри... А завтра я к тебе приеду».

Приедет Малик Акчабаев не только к Толеновой, он хочет поглядеть поля Маткалыка Амадалиева, с которым соревнуется, хлопчатник у своих друзей — карасуйцев, чтобы помочь, подсказать...

В жарком дне, как в тандыре, плавится воздух. За мутно-желтой завесой не видно ни гор, ни холмов. Но в такую теплынь зреет хлопок — богатство Малика Акчабаева и его односельчан из колхоза имени Калинина Ленинского (он несколько раз просил подчеркнуть) — Ленинского района.

СЫНОВЬЯ

С утра моросило. Мелкая сетка дождя густой пеленой окутала и хлебное поле, и дорогу к центральной усадьбе, низко пригнула к земле тяжелый сырой колос.

Сгрудившись, словно огромные озябшие птицы, замерли комбайны. Механизаторы, кляня «небесную канцелярию», попрятались по кабинам. Было тихо. Лишь дождь, не умолкая ни на минуту, продолжал свою монотонную, унылую песню.

Александр долго томился в тесной кабинке «Нивы», потом не выдержал, резко толкнул дверцу:

— Пойдем посмотрим транспортер жатки, барахлит что-то. Чего в безделье маяться?

Через минуту из соседнего комбайна выбрались Николай Кузьмич с Владимиром.

— Почему нас подсобить не зовете? — для виду осерчал Николай Кузьмич. — Все равно без деда не управитесь.

Вскоре в серой пелене дождя зазвенело железо, зазвучали веселые, громкие голоса.

— Опять Однодворцевым неймется, — поняли комбайнеры причину шума.

А дождь все лил и лил. И казалось, не будет ему конца...

В селе Михайловке хлеборобскую семью Однодворцевых знают и стар и мал. И не мудрено: тридцать пять лет убирает хлеб на полях хозяйства глава семьи — Николай Кузьмич Однодворцев.

Шли годы, вырастали сыновья, и каждого, еще в отрочестве, приводил он на хлебное поле, давал первые уроки труда. Навсегда запомнились эти уроки мальчишкам. И даже сегодня, повзрослевшие и возмужавшие, вспоминают они те первые дни хлеборобской работы.

Рано вписал первые строки в свою хлеборобскую биографию Николай Кузьмич Однодворцев. Какой только работы не переделал он мальчишкой за годы войны! А тянула, привораживала по-настоящему только техника.

— Да, много воды утекло с той поры, — задумчиво щурит глаза Николай Кузьмич. — На всех отечественных марках комбайнов пришлось поработать. Начинал на «Коммунаре». Сейчас его разве что в музее увидишь. А тогда он

для нас был силища... На пять колхозов было четыре комбайна. Потому и завидовали мне мальчишки. Про себя и говорить нечего — на седьмом небе витал. Это нынче иной хлопчик на комбайн и глядеть не хочет, дескать, и шумно и пыльно. Только я своих сыновей иначе воспитывал: ешь хлеб — поди-ка, узнай, каким трудом да потом он добывается. Что главное в жизни? Хлеб. Вот и партия указывает: больше надо зерна производить. Эти слова в первую очередь к нам, хлеборобам, обращены.

Шестерых сыновей Николай Кузьмич вырастил. Трое уже отделились, своим хозяйством живут. Каждому из них дом помогала строить вся родня. А ее — полсела наберется. Ведь их деды пришли сюда с первыми переселенцами, эту землю осваивали, корни пустили долговечные. И сыны за землю держатся прочно. Как праздник какой или семейное торжество — все у Николая Кузьмича собираются. А как же иначе? Живут складно да дружно.

Один за другим приходили сыновья Николая Кузьмича на хлебное поле.

Первым был Александр. Это сейчас величают его на селе уважительно Александр Николаевич. Как-никак — лучший комбайнер колхоза. А когда впервые взял его отец на комбайн, был он просто Санькой, и было ему пятнадцать лет. Через год, когда Александр учился в СПТУ, Николай Кузьмич пришел к председателю колхоза, с порога пояснил цель своего визита: пора Саньке доверить комбайн.

— Уж больно он молодой, — с сомнением покачал головой председатель. — Потянет ли?

— Головой за него ручаюсь, — настаивал отец. — Только комбайн дайте.

— Ну смотри, Кузьмич. За сына ты ответ держать будешь.

На том и порешили.

Жатва набирала обороты. Ее размеренному, четко отлаженному ритму было подчинено все: и люди и техника. Уже через неделю имя Александра Однодворцева замелькало в ежедневных «молниях», что вывешивались на поле-вом стане колхоза «Победа». А когда закончилась жатва и подвели итоги, оказалось, что самый молодой комбайнер, практикант СПТУ Однодворцев, опередил опытных механизаторов и намолотил больше всех зерна.

Председатель, встретив Николая Кузьмича, только руками развел:

— Ну и молодец! Спасибо, Кузьмич, за хлебороба. Доброго парня вырастил.

— Погоди благодарить, председатель,— весело подмигнул довольный отец.— У меня вон еще сколько сынов подрастает. Глядишь, кто из них и побойчее выйдет.

Однако не угадал Николай Кузьмич. Александр, получивший медаль «За трудовую доблесть», за все пятнадцать лет ниже второго места в соревновании комбайнеров и в колхозе, и в Тюпском районе не занимал. Часто бывал первым.

Однако не только трудом заслужил Александр уважение сельчан. Еще в юности отличали его целеустремленность и настойчивость. Учась в СПТУ, поступил в девятый класс вечерней школы. Так и учился: днем — в училище, вечером — в школе. Училище окончил с отличием. А потом поступил в десятый класс дневной школы.

— Сашка, видать, в институт метит,— решили односельчане.— Покрутился в училище вокруг железа, понюхал машинного масла — не понравилось.

А он снова всех удивил, когда после десятилетки — как раз приближалась жатва — пришел к председателю колхоза и попросил выделить ему комбайн.

Натура цельная, волевая, Александр требователен к себе и другим, но с себя всегда спрашивает вдвойне. Земляки заметили его государственный подход к делу, к обществу, выбрали передового комбайнера депутатом Исык-Кульского областного Совета.

Три года назад помощниками у отца и брата стали сразу двое: Николай и Владимир. Первый пришел со школьной скамьи и, хотя до этого не раз помогал старшим в жатве, решил до армии еще год походить в учениках — хлебное поле не любит торопливых. Владимир тоже еще мальчишкой хлебоборил, а после армии надумал менять профессию: работал кузнецом, шофером. Специальности неплохие. Зарабатывал прилично. А только начнет наливать золотым светом нива, просится душа к комбайну.

Через год он уже самостоятельно работал на комбайне отца: у Николая Кузьмича плохо стало с глазами. Как не хотелось ему в самый разгар жатвы оставлять поле, а пришлось. Потом была операция. Николай Кузьмич решил: все, отработал свое. Два года провел Одноворцов-старший без жатвы. И не выдержал. Вышел снова — в который уже раз! — на уборку хлебов. Стал помощником у Владимира.

— Теперь я отсюда — никуда,— заявил. — Поле, оно любую хворь излечит.

А штурвальным в семейном экипаже стал младший — восьмиклассник Виктор.

— Сейчас у нас в семье, если Витьку считать, четверо комбайнеров,— говорит Николай Кузьмич.— Да племянник Анатолий второй год помогает Александру. Скоро придет из армии Николай, присоединится к нашему семейному звену. Будет работать в паре с еще одним сыном — Михайлом. Этот пока на подстанции, но просится летом на хлеб.

Закончилась жатва в колхозе «Победа». Первое, ставшее привычным, место в соперничестве местных комбайнеров занял экипаж Александра и Анатолия Одинодворцевых, на третьем — экипаж Николая Кузьмича и Владимира Одинодворцевых. Так что пьедестал получился семейный. На каждый комбайн Одинодворцевы намолотили более 10.000 центнеров зерна.

Трудно сейчас подсчитать, сколько хлеба убрал за свою долгую хлеборобскую жизнь Николай Кузьмич Одинодворцев. Да и надо ли это делать? Ведь его лицевой счет по-прежнему открыт. Но главное — следом за ним идут сыновья. Значит, судьба колхозного урожая в надежных руках.

У хлопкоробов Омской области — страдная пора:
идет машинная уборка «белого золота».

Знатный чабан, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР Т. Акматов (в центре) беседует с товарищами по труду.

На летнем пастбище — джайлоо.

Знатная доярка колхоза «1 Мая» Ак-Суйского района Иссык-Кульской области, Герой Социалистического Труда Т. А. Довгаль готовится к утренней дойке коров.

ЗЕЛЕНАЯ РАКЕТА

От перевала далеко на юго-запад раскинулась Джумгалская долина, сжатая с двух сторон высокими неприступными хребтами. Под ними, словно голубая лента, извивается горная речка. По ее берегам виднеются квадраты поселков и айлов. В глубоких горных расселинах, густо поросших кустарниками барбариса и черной смородины, деревьями боярки и красной рябины, пасутся бесчисленные колхозные стада и отары.

По склонам растут еловые леса, переходящие в мелко-рослый кустарник и стелющуюся арчу, а там, выше альпийских лугов, где начинаются вечные ледники, люди решили построить телеретрансляционную станцию.

Выбор пал на самую высокую вершину — 4050 метров над уровнем моря. К вершине необходимо было протянуть высоковольтную линию электропередачи, построить подстанцию, а на самой вершине — приемно-передающий узел. Но как доставить туда громоздкое оборудование, стройматериалы, запас провианта для строителей?

Дорог к этой вершине нет, и не всякий человек сможет перенести головокружительную высоту, разряженный воздух, мороз и леденящий ветер, который проносится со скоростью пятнадцать — двадцать метров в секунду... Так или почти так думал каждый из нас.

Раздумий было много, много было и решений, много раз пришлось пройти геодезисту Румянцеву и специалистам Керимову, Гончарову и Коновалову по звериным тропам к вершине. Но единого решения все не было.

...Подходил к концу июль, а Румянцев все не унимался и по-прежнему скитался по горам. Он сделал десятки вариантов геодезистских снимков и на заседании партийного комитета обстоятельно доложил о своих выводах. «Линию электропередачи и станцию построить можно и нужно», — так закончил он свое выступление.

А вскоре была собрана монтажная бригада под руководством бригадира монтажников Николая Васильевича Рыжкова. Девять смельчаков: Николай Родионов, Михаил Сидоренко, Альберт Головин, Петр Новик, Геннадий Пеганов, Виктор Иванов, Василий Гарынин и Николай Криву-

лец во главе с Рыжковым отправились в горы ставить первую вежу.

Начальником телестроя был назначен молодой инженер, коммунист Александр Иванович Гунченко.

Доставку материалов можно было осуществить двумя путями: первый — по руслу горной речки. Длина этого пути — тридцать километров. Второй вариант — снять с пути препятствие, тридцатиметровую скалу, и тогда путь сократится вдвое.

Пока бульдозерист Устинов в труднейших условиях пробивал подъезд, молодежь убрала с пути гранитную скалу. А через две недели к перевалу, к будущей линии электропередачи на лошадях, на волах и яках уже подвозили деревянные опоры и стальные пасынки. Это было в середине августа.

Еще цвели на альпийских лугах горные гвоздики, иссыкульский корень и борщевик, но приближение глубокой осени с каждым днем становилось все более заметным и ощутимым. Все знали — зима в горах приходит рано и неожиданно, и надо было спешить. Не хватало рабочих рук.

Партком и комитет комсомола обратились за помощью к молодежи. Энтузиастов оказалось значительно больше, чем ожидали.

Особенно отличалась транспортная бригада Токтомыша Болотбекова и в ее числе — погонщик Валерий Трескин, который в течение двух месяцев перевозил грузы на самых опасных и ответственных местах: по горным осыпям и над обрывами. Он всегда доставлял груз к месту назначения вовремя, в целости и сохранности. На этом участке так и говорили: «Если на себя не надеешься, доверься Трескину, а сам поучись у него!»

В первых числах сентября в горах резко похолодало, а десятого выпал первый снег.

Постоянные густые туманы не давали возможности поднять особо тяжелый груз на вершину, где строилась телеретрансляционная станция. Да и вьючные животные за время работ в горах настолько отощали и обессилели, что каждую лошадь и вола сопровождали по четыре человека. Казалось, что люди тянут животных вместе с грузом.

Строительство затягивалось, и партком вновь обратился с призывом к местным жителям, имеющим лошадей и вьючных животных. Люди отозвались на призыв, и уже на следующий день на помощь строителям прибыли двадцать пять всадников. И снова по зыбучим осыпям, покрытым

снежной порошей, потянулся к вершине караван. Узенькая тропинка, протоптанная строителями и выючными животными, петляла между огромными валунами, ныряла в глубокие впадины и нависала над обрывами.

Казалось, уже в сотый раз пересекали строители стремительную горную речку Кашка-Суу. И вот уперлись они в трехсотпятидесятиметровую скалу, преградившую путь почти отвесной стеной.

На вершине этой скалы и строилась станция. Чтобы доставить туда телеаппаратуру и дизельную электростанцию, конечно, в разобранном виде, на штурм высоты отправились тридцать три комсомольца во главе с заместителем директора рудника Николаем Сергеевичем Коноваловым... И ценный груз был доставлен в целости и сохранности.

Споро строился дом-вагон, только размерами значительно побольше; устанавливался ретранслятор. Потом поднимали и крепили антенны и параболу. Двухметровыми кувалдами и стальными клиньями дробили монолитный камень, выкладывали защитную стену.

Строительство на скале возглавлял коммунист Василий Григорьевич Миняйленко.

Домики для размещения телеаппаратуры и жилья обслуживающему персоналу собрали быстро. Между прочим, по мнению специалистов, таких уютных и теплых домиков ни на одной высокогорной телестанции Средней Азии еще нет...

Не прошло и двух месяцев с начала строительства, как на высоте 4050 метров над уровнем моря зажглись «лампочки Ильича».

Для монтажа и наладки телеаппаратуры прибыли старший инженер Виктор Рудольфович Келлерт и сменный инженер Александр Матвеевич Редченко.

Виктору Рудольфовичу не впервые приходилось производить монтаж и наладку высокогорных станций. Несмотря на свой солидный рост и богатырское телосложение, он, как первоклассный альпинист, поднялся вместе с комсомольцами на вершину, и в канун праздника Великого Октября жители Джумгалской долины увидели на экранах своих телевизоров передачу из столицы Советской Киргизии — города Фрунзе.

В ноябре погода в горах совершенно испортилась. Тяжелые снежные тучи заволокли перевалы. Повалил снег. Десять дней подряд бушевала пурга. Мокрый снег, а затем мороз заковали провода в толстый слой льда.

С высокогорной станции поступил первый тревожный сигнал: «Просим помощи! Гололедом повреждена линия электропередачи».

И хотя в долине тоже свирепствовала пурга, люди из бригады Рыжкова на рассвете следующего дня отправились в далекий и опасный путь. На высоте 2500 метров над уровнем моря вошли в зону сплошного тумана. Видимости — никакой. Идти нужно было очень осторожно: не исключены сходы лавин; под толстым слоем рыхлого снега спрятались валуны и глубокие ямы.

С каждым часом подъема дышать становилось все труднее. Шли гуськом, по очереди пробивая дорогу в полуметровой толще снега. Пробивал путь и Коля Родионов, хотя рост у него всего лишь — 151 сантиметр. Когда подошла его очередь вести колонну, он становился на все четыре конечности и полз. На белом, отливающим синевой снегу была видна только его голова. Ребята предлагали ему идти замыкающим, но Коля был неумолим.

— Не люблю, когда меня опекают. Не мне одному трудно, — отвечал он.

Только вот Альберту Головину, казалось, не было трудно. Он, словно не знающий устали бульдозер, бороздил снежный простор за себя и за ослабевших товарищей.

Без единого перекура колонна двигалась в течение десяти часов. Промокшая и обледеневшая одежда сковывала движения. Порывистый ветер бросал в лицо комья колючего снега. Когда была пройдена большая часть пути, Коля Родионов признался: «Я не чувствую на ногах пальцев».

На помощь товарищу пришел Михаил Сидоренко. Он не пожалел своего нового свитера, разорвал, растер Коле ноги, а затем замотал их в теплую шерстяную ткань.

Коля, увидев, как Михаил расправляется со своим свитером, вначале запротестовал: «Он же совершенно новый...» Но Сидоренко только улыбнулся: «Не беспокойся! Лучше остаться без свитера, чем товарищу без ног. Здоровы будем — еще не один свитер наживем».

Неожиданно показалась цель, а точнее, то место, где произошла крупная авария: покрытые льдом толщиной в руку провода лежали на снегу. Предстояла труднейшая работа на несколько часов...

Над горами сгустились сумерки. До высокогорной станции оставалось около километра пути по крутосклону и сыпучке. И ждала их еще трехсотпятидесятиметровая отвесная скала...

Работу закончили в полной темноте. Медленно двинулись вперед, прощупывая каждый камень. И вдруг: «Берегись!» — это крикнул Виктор Иванов, из-под ног которого вырвался огромный валун. Он с шумом пронесся в полуметре от Альберта Головина...

Ночью особенно опасно подниматься по обледеневшим склонам. Будь ты самым первоклассным альпинистом, если бушует пурга и пронизывающий ветер сковывает мышцы, подняться на такую высоту сможет не каждый. Но дороги назад нет. Оставаться до рассвета в промокшей одежде — это значит замерзнуть. Нужно было лезть из последних сил на скалу, только вперед.

Цепляясь голыми пальцами за скользкие выступы скалы, расчищая каждую расселину, медленно карабкались вверх смельчаки, срываясь и поддерживая друг друга.

— Э-ге-ге-ей! Кто там на скале-е-е? — неожиданно дошел голос из व्यжжной темноты. Это кричал Виктор Рудольфович Келлерт. И его помощь была как нельзя ко времени.

Четвертого марта сменный инженер Александр Матвеевич Редченко и дежурный оператор Борис Селиверов направлялись на станцию подменить своих товарищей. На станцию требовалось доставить двухмесячный запас провианта и дрова.

Постоянные бураны в горах не давали возможности забросить груз даже с помощью высокопотолочного вертолета, и тогда секретарь комитета комсомола Валерий Кондратенко обратился с призывом к комсомольцам. В тот же день в комитет комсомола явились Евгений Лямин, Эркин Четбаев, Борис Петраков, Эмильбек Тойбаев и Токтомыш Чокомбаев, многие другие ребята. Выбор пал на первых пятерых. Это были самые опытные и выносливые парни. Им предстояло поднять по тридцать килограммов груза на высоту в 4050 метров. Кроме этого, у каждого из них был личный груз — необходимое количество продуктов питания, спальные мешки и палатки, в общей сложности более сорока килограммов.

На рассвете следующего дня ребята отправились в горы. Бушевавшая накануне пурга укрыла склоны почти двухметровыми снегами. То и дело срывались лавины.

Александр Редченко, уже трижды делавший восхождения, показывал товарищам менее опасные проходы. Встречный ветер и сорокаградусный мороз сковывали движения.

Под тяжелой пошей ноги глубоко проваливались в снег. Промерзшие кирзовые сапоги были словно из жести. Ребята часто падали, поднимались и снова продолжали путь. К вечеру мороз стал крепчать, усилился ветер. Трое из ребят присели передохнуть и только Александр Редченко, Борис Селиверов, Дадонов и Петраков, не останавливаясь, продолжали прокладывать путь к вершине. До наступления полной темноты необходимо было подняться хотя бы к подножию скалы. И здесь случилось неожиданное: раздался оглушительный грохот, напоминающий мощный артиллерийский залп, и громадная лавина, быстро несущаяся с крутосклона, опрокинула Саяка Дадонova и в снежном вихре понесла в глубокое ущелье.

Товарищи, словно по команде, сбросили тяжелые ноши и побежали вслед уносимому лавиной товарищу.

Наступали сумерки, когда ребята отыскивали кончик страхующей веревки в том месте, где остановилась лавина. Было ясно — Саяк под толстым слоем снега и камней. Лопат, конечно, ни у кого не было. Пришлось раскапывать палками и руками. Надо было торопиться, жизнь товарища зависела теперь от них. Работали изо всех последних сил... За два часа перевернули не один кубометр спрессованного снега. Стало совсем темно. Включили карманные фонарики и продолжали работу без единой передышки. Наконец добрались до пострадавшего, он был в бессознательном состоянии, но пульс еще прослушивался. С большим трудом разжали зубы, влили несколько ложек спирта. Потом растерли оголенные участки тела, попытались снять сапоги, но старания оказались тщетными: сапоги примерзли к ногам. Дадонов пришел в себя, но идти не смог, и тогда ребята стали по очереди нести его на себе.

Иссякли силы у Бориса Петракова. Большая высота, разряженный воздух, глубокий снег, тяжелый груз — все это надломило его силы.

— Братцы, не смогу идти дальше, — часто дыша, прошептал он. — Давайте передохнем немножко!

— Нельзя отдыхать! — закричал Александр Редченко. — Теперь здесь совсем близко. Вот, гляньте!

И тут из-за вершины горы выплыла луна и осветила ущелье. Это как-то сразу взбодрило ребят. Подхватив снова потерявшего сознание Дадонova, Редченко и Селиверов стали пробиваться к подножию скалы. А когда они оглянулись, увидели трех товарищей, лежавших на снегу. На крики Редченко они не отозвались. Пришлось возвращаться и поднимать их, совсем обессиленных.

— Да вы что, белены объелись?! — кричал Редченко. — Что же вы делаете?! Ведь это верная гибель!

Тойбаев и Чокомбаев с трудом поднялись, а Петраков спал. Пришлось поднять и хорошенько встряхнуть его, чтобы привести в чувство.

Редченко уже не чувствовал пальцев на руках, но не проропщил ни слова.

На скалу Дадонова поднимали на веревках. Время приближалось к полуночи. Рискую жизнью, ребята спасали товарища. Только в час ночи они достигли вершины. Внесли пострадавшего в домик.

В буржуйке ярко полыхали дрова. На раскаленной плите пыхтел большой медный чайник.

Дежурные, получив радиogramму с Большой земли, спать не ложились, поджидали путников. Полив кипятком на сапоги, они помогли снять их с пострадавшего, и тогда все прояснилось: у Дадонова отморожены ступни ног. По рации немедленно связались с Большой землей, вызвали к прямому проводу дежурного врача Бакердина Есеналиева, доложили обстановку и попросили совета, как оказать помощь пострадавшим.

У троих сильное обморожение. У Дадонова — третьей степени. У Редченко и Селиверова обморожены руки.

— Отогревайте холодной водой, комнатной температуры. С рассветом немедленно спускайтесь вниз! На рассвете мы идем вам на помощь...

Весть о несчастном случае в горах тут же облетела всю Джумгалскую долину.

Эрик Александрович Мурзин и Николай Сергеевич Коновалов, не дожидаясь рассвета, организовали спасательную группу и вместе с врачом Есеналиевым вышли в горы.

Когда над остроконечными вершинами забрезжил рассвет, спасательная группа прошла уже третью часть пути.

Ноги Дадонова распухли и посинели. Он часто терял сознание. Редченко и Селиверов тоже были не в лучшем состоянии.

На рассвете ребята сколотили из палок носилки, завернули Дадонова в матрацы и спальные мешки, на веревках спустили со скалы и понесли навстречу спасательной группе.

Для спасения пострадавших нужна была кровь. Много крови! И тогда комитет комсомола по местному радиовещанию и через «Комсомольский прожектор» бросил клич: **«ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ! СРОЧНО!»**

При доставке груза на телевышку ваши товарищи попали в беду. Сильное обморожение получил САЯК ДАДОНОВ. Без постоянного переливания ДАДОНОВУ грозит опасность ампутации обеих ног.

ТОВАРИЩИ КОМСОМОЛЬЦЫ! ОТДАЙТЕ БЕЗВОЗМЕЗДНО ЧАСТЬ ВАШЕЙ КРОВИ ДЛЯ СПАСЕНИЯ ТОВАРИЩА!»

Первыми на станцию переливания крови во главе с секретарем комитета комсомола Валерием Кондратенко пришли преподаватель музыкальной школы Лариса Гвинерия, Люся Ермакова, Люся Новождёнова, Виктор Пунтусов, Каныбек Рысалиев, Валя Добрычева, Орузбек Султанкулов и многие другие.

Семнадцатого мая вместо пострадавших Редченко и Селиверова прибыла новая смена. Требовались опытные проводники. И тогда комсомольцы изготовили приспособление, которое надевалось на обувь и уменьшало скольжение. Два старожила-охотника Николай Бабаев и Михаил Верхин вызвались возглавить новую экспедицию. Используя комсомольскую выдумку, путь в пятнадцать километров они преодолели за четырнадцать часов и благополучно добрались до телевышки.

В дороге обнаружили сбитый лавиной высоковольтный столб и оборванные провода линии электропередачи. Низковольтная линия также была повреждена гололедом.

На скале ожидал новый сюрприз стихии: входная дверь домика была занесена на четыре метра. Не имея при себе лопат, через дверь попасть в помещение нечего было и мечтать, пришлось выставлять окно со стороны защитной стены. На станции не было ни воды, ни света. Склад с запасом дров и продуктов полностью занесен, и до утра пришлось греться, орудуя лопатами.

На следующий день ходки вернулись и доложили обстановку, а дежурные остались на скале в надежде, что о них помнят на Большой земле.

В одиннадцатое вечера в парткоме состоялось экстренное заседание. Решался только один вопрос: либо в третий раз снаряжать экспедицию, либо до лета отказаться от телевидения.

На совещание пригласили бригаду Рыжкова. Секретарь парткома Кыдыров доложил обстановку и обратился к бригадиру:

— Посоветуй, Василий Николаевич, что нам делать?

— Если доверяете, мои орлы оправдают ваше доверие. Мы восстановим и линию электропередачи и доставим на

станцию все необходимое.— Он посмотрел на своих товарищей, твердо сказал: — Это партийное поручение. Вы меня поддерживаете?

— Как сказал бригадир, так и будет,— слышалось из зала.

21 марта была снаряжена третья экспедиция в составе Рыжкова, Сидоренко, Родионова, Новика, Кривульца, Головина и Пеганова. Навьючив на себя тяжелые мешки с продуктами, инструментом и необходимым материалом, они отправились в горы. Условились, если авария будет своевременно ликвидирована и удастся благополучно добраться до станции, в двадцать два часа по местному времени над горами взойдет зеленая ракета, а случится беда — тогда белая и красная...

Было около десяти вечера. В кабинете директора предприятия погасили свет, люди выстроились у окна. Все напряженно всматривались в сторону вершины. В темном небе ярко горели звезды. В томительном ожидании застыли директор предприятия Мурзин, его заместитель Коновалов, секретарь парткома Кыдыров и секретарь комитета комсомола Кондратенко.

И вот над горами вспыхнул огонек.

— Зеленая! — закричали все одновременно.

Ждали еще несколько минут: не произошла ли ошибка? Но других ракет не последовало, а на экране телевизора вырисовался силуэт выступающего. Зазвучала веселая музыка. Станция транслировала передачу из Колонного зала Дома Союзов.

Станция продолжала работу. Жители горных долин смотрели телепередачи, но вряд ли кто из них знал, какой железной волей обладали те, кто в зимних горах, в пургу, в мороз, в труднейших условиях выполняли партийное поручение.

...Читателю небезинтересно узнать о судьбе Дадонова, Редченко и Селиверова.

Отвечу словами главного хирурга поликлиники Геннадия Ивановича Жукова: «Да разве в таком дружном коллективе, где один за всех, а все за одного, товарищи оставят друг друга в беде? Только благодаря самоотверженности всего медицинского персонала, благодаря своевременной помощи комсомольцев и всего коллектива, ампутация рук и ног у пострадавших предотвращена...»

Могу и я вас порадовать. Встречался я с этими товарищами. Самочувствие у них было хорошее. Дадонов, хотя еще и с костылями, но ходит. У других дело лучше!

...Весной 1981 года, выйдя из здания Промышленных министерств, я решил пройтись по городу. Напротив кино-театра «Ала-Тоо» из толпы вышел человек и, улыбаясь, направился мне навстречу. Преградив мне путь, он протянул руку.

— Здравствуйте, Иван Семенович! Не узнаете? Да это же я. Саяк Дадонов, тот самый, который был извлечен из-под снега. А теперь вот хожу собственными ногами.

Одет он был в дорогой серый костюм, на лацкане которого блестел значок «Победитель социалистического соревнования».

— Давно наградили? — поинтересовался я.

— Вчера. За этим и приехал сюда...

— Где трудитесь?

— Теперь в колхозе. А что? И там ведь нужны специалисты. Женился, а жена из колхозниц: «Не поеду из деревни, и баста. Если я тебе нужна, переезжай в деревню!» Вначале я запротестовал: «Ну что я здесь буду делать? Ведь я — рабочий человек». А она опять за свое: «Хлебушек ты кушаешь? А ведь его только в селе выращивают. Конечно, здесь пахнет навозом, но где навозом — там и салом пахнет». Убедила она меня. Переехал и нисколько не жалею. Получил современную могучую технику — полевого богатыря. Добился хорошего урожая, и вот результат. — Он с гордостью посмотрел на свою награду.

ДРУЖБЫ ГРАНИТ

В мастерской прохладно, и Садыков, распластывая куски технического пластилина, то и дело дует на руки. Я осматриваю стеллажи, где остались заготовки прошлых лет, и весь творческий путь мастера проходит чередой выразительных лиц, поз, жестов и бюстов.

Тургунбаю Садыкову выпало стать первым скульптором из киргизов. Стоит ли удивляться этому, ведь в наши дни творит и автор первой печатной строки на киргизском языке аксакал Аалы Токомбаев. И первый киргизский живописец Гапар Айтиев полон творческого задора. Удивляться, наверное, надо другому — веками молчавшие музы обрели голос только в нашу эпоху, недаром А. Токомбаев посвятил свое первое стихотворение Ленину, Великому Октябрю.

Горы Киргизии первозданно похожи на гигантские скульптурные изваяния, которые не устает шлифовать ветер — этот неугомонный подмастерье природы. Тургунбай всматривался в разломы гор, и какое-то неведомое чутье повелевало ему убраться мешающую скалу, чтобы гора вовсе походила на хребет быка. Столь же воображаемо просто он мог слить две горы — тогда выйдет верблюд...

Считается, что чувство голода способствует воображению и мысли. Но если голоден постоянно, то думаешь лишь об одном: когда же кончится эта проклятая война, когда же вернется отец, дядя, брат и в доме запахнет хлебом. Но пали на фронтах отец и дядя, а брат пришел тяжело раненный. Праздновали Победу в далеком аиле Говсувар, но слезы были солонны, как всякие горестные слезы.

— Рано выросли мои сверстники, но характер приобрели твердопородный, — говорит Тургунбай Садыкович. — Я могу сейчас назвать десятки известных всей республике имен — ученых, литераторов, руководителей, которые мужали в послевоенных школах-интернатах, оторванные от родных, зачастую голодные, но стойкие и твердо верящие в свою звезду.

Что он знал об искусстве ваяния, впервые попав во Фрунзе? Так, лепил из глины миниатюрные поделки, тут же комкал их и все начинал сначала. А когда увидел в столичном парке памятник генералу И. В. Панфилову, ото-

ропел, словно новобранец перед живым полководцем. Позднее он узнает, что этот памятник — первое в стране изваяние, посвященное памяти о войне. В тяжком сорок втором году, когда о переломе в войне лишь страстно мечталось, скульпторы, супруги Мануйловы, создали образ погибшего генерала, и был воздвигнут во Фрунзе памятник, как символ народного оптимизма и веры.

В Киргизии и до войны работали скульпторы, все они приехали помогать кочевому народу возвращать свое социалистическое национальное искусство. Известный художник Семен Афанасьевич Чуйков возглавил оргкомитет Союза художников республики. И у всех, взявшихся за столь подвижническую миссию, появлялись ученики из числа местных ребят.

Владислав Александрович Пузыревский знал, с чего начинать новичку.

— Будешь разминать глину, смотреть и учиться. Все остальное я расскажу.

Мог ли Тургунбай отвергнуть такое предложение?.. От счастья он чувствовал себя на седьмом небе! Мастерская Пузыревского и стала его академией. Помните, с чего начинали мастера прошлого? С подмастерий, с помощников. А учиться рисунку Садыков ходил в художественное училище. Ценители заметили первые его работы — «Пастушок», «Молодая мать». Рука молодого ваятеля крепла. И видно, под счастливой звездой родился Тургунбай. Дарована ему была еще одна дружба, которая осветила все творчество. Сам патриарх советского скульптурного искусства Сергей Тимофеевич Коненков на склоне лет принял участие в судьбе киргизского скульптора.

Он заметил работы Садыкова на Всесоюзной художественной выставке и пригласил дебютанта к себе. Были расспросы, советы, пожелания. Сама атмосфера дома Коненкова влекла к творчеству в большом и малом. Эти диковинные кресла из пней и умело обработанных коряг, эта аксакальская мудрость мастера, его властная суетливость. Но лишь через год решился Садыков попросить Сергея Тимофеевича о главном — об учебе. Да, он уже многое умел, но мало знал. А мировое искусство трудно постичь лишь по альбомам.

Специально для Тургунбая в Московском высшем художественно-промышленном училище, проще в Строгановке, были организованы ускоренные курсы. За это с азартом взялась профессор Екатерина Федоровна Балашова, ставшая еще одним учителем первого киргизского скульп-

тора. Два года занимался Садыков по особой программе, не пропустил ни одной московской выставки, часто бывал у Кошеникова. И когда пришла пора возвращаться на родину, Сергей Тимофеевич продиктовал письмо в адрес правительства республики с просьбой выделить для Садыкова мастерскую. Надо ли говорить, как влияет на растущего художника духовная и вполне конкретная помощь великого мастера, будь он скульптор или писатель. Не забывают ли об этом иные нынешние мастера?

Пришла пора зрелости. Садыков работает с деревом и с гипсом, осваивает новые для себя материалы — металл и даже эпоксидную смолу. Он создает галерею скульптурных портретов известных людей республики, знакомится с легендарным сказителем «Манаса» Саякбаем Каралаевым, этим «Гомером двадцатого века», знающим миллион строк эпоса. Но главные работы были впереди.

Любой город что-то теряет, если в нем нет или мало памятников. Это похоже на то, если бы в симфоническом оркестре молчали струнные инструменты. Город Фрунзе возник всего лишь сто с небольшим лет назад. И естественно, памятников в городе не было. Приехавшие по приглашению киргизского правительства мастера создали несколько величественных монументов: Ленину, Фрунзе, Токтогулу. Садыков взялся воплотить тему революции, освобождения своего народа. Из множества эскизов для центральной фигуры композиции он выбрал образ устремленной вперед женщины.

— Не трудно понять, — говорит скульптор, — что это образ нашей Уркуи Салиевой, первой женщины — председателя колхоза, зверски замученной врагами новой жизни. Некоторые так и считают, что это памятник — Уркуе. Но я старался обобщить в ней все революционное поколение.

Монумент «Борцам революции» преобразил центр города, придал ему величавую содержательность. Эта долголетняя работа Садыкова была отмечена Ленинской премией.

А в мастерской скульптора уже обживались образы великого эпоса «Манас». Предстояло создать не просто памятник национальному батыру. Площадь перед строящейся тогда новой филармонией предполагалось занять архитектурно-скульптурным комплексом. Вместе с московским архитектором Алексеем Ивановичем Печенкиным Садыков долго искал художественное решение нелегкой задачи. Семь лет герои эпоса принимали то одни, то другие формы. Каким должен быть Манас, как разместить его соратников? Припомнилась встреча с Каралаевым, и

стало ясно: не дойти бы эпосу в столь живой форме до наших дней, не будь творческой эстафеты мастеров — сказителей, которых в народе называют манасчи.

— Образы четырех известных манасчи, в том числе и Каралаева, я решил исполнить в граните,— рассказывает скульптор. — А сами герои эпоса выполнены из ковanej меди. Манас не представляется мне без коня, пусть это и несколько традиционное решение. Ак-Кула — так звали коня богатыря — равноправный герой эпоса. Манас избражен в схватке со злом. Драконообразное чудовище уже почти подмято конем, но борьба не окончена. Меч не опущен. В этом не стоит видеть какую-то таинственность. Тем и дорог каждому киргизу легендарный богатырь, что всегда стоял он за справедливость, защищал родную землю от завоевателей.

Десятки писем получает Садыков от тех, кто хоть мельком познакомился с его последней работой и проникся замыслом художника. Один минчанин написал даже стихи, посвященные и скульптору, и Манасу. Таково зажигательное воздействие большого искусства.

С утра Тургунбая Садыковича не найти в мастерской. Как председатель Союза художников Киргизии, в котором, кстати, почти сто профессиональных мастеров, Садыков весь в организационных заботах. Решено, например, отлить известный памятник Панфилову из бронзы и чуть сместить его в глубь парка. Стоило хлопот и открытие при художественном училище отделения скульптуры. Как ни велика нужда городов и сел республики в произведениях монументалистики, все же молодых скульпторов не хватает. Прометил Садыков одаренного Калыка Чоробаева, сына чабана. Но ему еще предстоит многому учиться. Обещает стать маститым художником Даирбек Медеров. Пока молодых скульпторов среди членов Союза художников можно перечесать по пальцам, по уже видится взлет молодого дарования.

...Он сейчас один на один с камнем, но, обернувшись назад в глубь времени, можно увидеть череду тех людей, что подняли первого киргизского скульптора на творческую высоту, одарили его счастьем поиска. Это и отец, павший под Кенигсбергом, и русские художники, побратски подавшие палитру освобожденному народу, белобородый старец Коненков. Кто сказал, что гранит отдает холодком? Под ладонью скульптора Садыкова он теплый.

НА КУПОЛЕ ПЛАНЕТЫ

12 апреля 1982 года советская антарктическая станция «Восток» не вышла на ежедневную радиосвязь.

ЧП! И только на следующий день стало известно, что здесь, в краю рекордного минимума низких земных температур, в канун наступления полярной ночи полностью сгорела дизельная электростанция. При ее тушении погиб инженер-механик, коммунист Алексей Карпенко. Зимовка только начиналась. И началась она с трагедии. Предстояла полярная ночь, которую надо было провести на высоте почти 3500 метров над уровнем моря, при средней температуре минус 60—70 градусов, в полутора тысячах километров от ближайшей советской станции. Первый транспорт можно было ожидать лишь через полгода. Возможности для посадки самолета практически нет. И двадцать человек — среди белого безмолвия...

Об этих людях вскоре рассказали десятки советских и зарубежных газет. О них сняты фильмы, написаны книги. А тогда...

Фрунзенский ученый, кандидат медицинских наук Аркадий Максимов как раз готовил серию исследований «Начало полярной ночи». Это была седьмая по счету проба — первая была сделана еще в Ленинграде, затем в период плавания, в первые дни зимовки и т. д.

Тема исследований старшего научного сотрудника Института физиологии и экспериментальной патологии высокогорья АН Киргизской ССР. «Прогнозирование работоспособности человека в экстремальных условиях». И поэтому, в силу специфики самой работы, судьба заносит его то в самое пекло Кара-Кумов, то на Памир или Тянь-Шань, то в Антарктиду, где уж чего-чего, а экстремальных условий вполне достаточно, даже в момент «штатной», то есть предусмотренной, запланированной ситуации. Вместе с заведующим лабораторией того же института А. Айдараллевым Аркадий уже участвовал в работе 25-й советской антарктической экспедиции.

Итак, он готовился к очередной серии экспериментов. Точнейшие приборы, которыми он располагал, могут снимать сотые доли потенциала — малейшие изменения в че-

ловеческом организме. Это на Большой земле. А на «Востоке»... До грунта — тысячи метров льда, а это значит, что приборы невозможно заземлить. Рядом работают геофизики, магнитологи, ионосферисты, чья техника в сотни, тысячи раз мощнее «нежной» медицинской аппаратуры — а следовательно, создаст такие поля, работать в которых медицинские датчики не могут. Наконец, сама Антарктида — это геомагнитный центр, а следовательно, все приборы... Да что говорить, воздух в Антарктиде, как это ни парадоксально, — ведь кругом лед, снег — в десять раз суше, чем в центре Сахары, наэлектризовывается все моментально. Током бьют ручки дверей, одежда; рукопожатие товарища может выбить вполне зримую искру, из пишущей машинки невозможно вытащить копируку — пристаёт к пальцам...

Работая на ЭВМ, ребята надевали на палец медное кольцо и протягивали от него проволочку к металлической стенке домика — снимали статическое напряжение.

Из дневника Максимова

7 апреля. Вчера провели очередной аврал на ДЭС. Затаскивали дизель, который будут собирать для резерва. А у нас в доме что-то часто стал выходить из строя насос в бойлерной. Видимо, сказывается низкая температура. Утром она уже держится стабильно ниже 70 градусов (73—76). Две недели не могу помыться. Не хватает энергии, чтобы натаять снега для бани.

Это — одна из записей, сделанная в период вполне «штатной» ситуации. Так что самая обычная для Антарктиды работа — уже в достаточной мере экстремальна. очередная серия исследований должна была начаться со дня на день. Начиналась и долгая полярная ночь. И еще. Максимов знал, что начинаются и определенные психофизические изменения в коллективе. Вполне, впрочем, естественные. Если первые месяцы пребывания на шестом континенте отмечаются обычно приподнятым, даже восторженным порой, состоянием и у опытных полярников и тем более у новичков, то потом на смену ему приходит чувство некоторой замкнутости, отчуждения. Полярная ночь несет с собой смену биоритмов, начинается бессонница... Опытные зимовщики знают это, знают, как важно в этот момент расшевелить, встряхнуть, приободрить товарищей, поднять психологический статус коллектива.

Ребятам с «Востока» судьба сулила совсем иную встряску. А врачу-исследователю Аркадию Максиму

Архитектурно-мемориальный комплекс «Манас»
на Советской площади в городе Фрунзе.

Встреча со знатными людьми... Фотообъектив запечатлел одну из таких памятных встреч молодежи с народным поэтом республики Героем Социалистического Труда А. Токомбаевым и Героем Советского Союза Д. Асановым.

Большого расцвета достигло театральное искусство Киргизии. Народные артисты СССР Чолпонбек Базарбаев и Айсулу Токомбаева завоевали заслуженное признание зрителей во многих странах мира.

Восторженно встретили земляки прославленного спортсмена, сильнейшего атлета планеты Каныбека Осмопалиева, возвратившегося с победой с очередного первенства мира. Каныбек Осмопалиев — заслуженный мастер спорта СССР, четырехкратный чемпион мира (штангист, он выступает в наилегчайшем весе), чемпион всемирной Олимпиады в Москве в 1982 году, бронзовый призер VIII летней Спартакиады народов СССР 1983 года.

предстояло изучать, пользуясь все той же терминологией, ситуацию, теперь уже сверхсуперэкстремальную...

Прошло не больше получаса с того момента, как Аркадий выключил свет в своей уютной, пожалуй, даже комфортабельной для этих условий комнатке. Крик Сергея Касьянова сбросил его с койки.

— Пожар на ДЭС!

Может и надо кому-то объяснять, что такое ДЭС — дизельная электростанция. Полярникам таких объяснений не требуется.

ДЭС — это единственный источник энергии на станции. ДЭС — это свет и тепло. ДЭС — это вода, которую вытаскивают из снега электричеством. ДЭС — это питание для радиостанции, то есть единственная связь с родиной. ДЭС — это и питание для людей — потому что еду готовят на электроплитах.

ДЭС — это жизнь.

ДЭС — горела!

Подвела та самая невероятная сухость воздуха, в которую так трудно поверить здесь — в краю вечного снега и льда в воздухе содержится всего 0,05 процента влаги — и которую так хорошо знают все, кто бывал в Антарктиде. Очевидно, самовозгорелась проводка. Огнетушители в семидесятиградусный мороз ничем существенно помочь не могли. Хлопок, чуть слышное шипение и... огнетушителю приходил конец. Ножовкой выпиливали пласты снега, швыряли снежные кубики в огонь, но и это практически не помогало. Выделяя удушливый хлор, горел пенопласт, плавился алюминий, от жара скручивались стальные тавровые балки.

Погиб, задохнувшись в дыму, но успев отключить электроэнергию, начальник ДЭС Алексей Карпенко. Сломал ребро геофизик Дима Дмитриев. Ребята боролись с огнем до последнего. Если бы можно было завести тягач... Но в условиях полярной ночи, когда мороз достигает до 88 градусов, солярку можно резать ножом, керосин напоминает сгущенку, и вся техника стоит без дела. Ее просто невозможно завести.

В восьми метрах от ДЭС находилось несколько сот тонн горючего. Ветер швырял языки пламени именно в сторону этого склада.

Время, казалось, замерло. Лишь все также летели в огонь бесследно поглощаемые им кубики пиленого снега, да без передышки, как роботы, в саже, в кровоподтеках, кое-как одетые, работали люди.

Работали, боролись с огнем, не щадя себя, пока не поняли: все, больше уже ничего сделать нельзя!

ДЭС сгорела. Склад с горючим удалось спасти, но станция стремительно выстывала...

Из дневника Максимова

12. 04. 1982 г. 8 часов утра. Вот и отзимовали, встретили День космонавтики. Сегодня в 4.30 утра был разбужен дежурным ДЭС Сергеем Касьяновым, который кричал: «ДЭС горит! ДЭС горит!» Спешно надеваю на нижнее белье казашку (костюм антарктической экспедиции — В. К.), хватаю в руки ведро, которое стоит в коридоре — это мои действия по штатному пожарному расписанию, и бегу к ДЭС. Вижу, что горит жилая пристройка, где живут механики. Часть людей уже на крыше и пытается кусками снега завалить пламя, которое бьет в правом дальнем углу жилой пристройки.

Начинаю пилить снег, так как внизу ребят мало и снег подавать не успевают, подаю его стоящему на лестнице Дмитриеву Диме, который передает его дальше на крышу. Но как назло сильный ветер раздувает пламя. Через тридцать минут ясно, что пристройку нам уже не спасти. Огонь начинает перекидываться во внутренние помещения ДЭС. Крыша балка под ногами ребят начинает пружинить, Борис (Моисеев — В. К.) кричит: «Прыгайте все! Сейчас провалится крыша!»

Прошло несколько секунд, и крыша исчезла внутри балка, и все это заняло бушующее пламя.

Обнаруживаем, что среди нас нет начальника ДЭС Карпенко.

Начинает гореть солярка внутри ДЭС. Ее (ДЭС), видимо, уже не спасти. Дело усугубляется тем, что ветер дует в сторону запасных емкостей с горючим, до которых всего 8—10 метров. Если они вспыхнут, то это, по-видимому, конец!

Мы останемся без топлива. А пока ДЭС полыхает, мы с Парком (метеоролог Велло Парк — В. К.) пытаемся спасти систему отопления в нашем доме. Нужно слить всю воду из системы, хотя ясно, что в нем нам уже не жить и не работать. Но зато ребятам потом будет легче расконсервировать дом.

Сейчас все перейдем в кают-компанию, там уже запускают капельницу. Иду помогать спасать склад с продуктами. Их тоже нужно перетаскать в каюту.

Дальнейшая наша судьба теперь полностью не ясна.

И одного человека мы уже потеряли. Обстоятельства гибели Лехи пока никому не ясны...

Так началась самая драматическая зимовка на самой отдаленной советской антарктической станции. С момента открытия «Востока» в декабре 1957 года здесь никогда не случалось трагедии, подобной этой...

Шансов выжить было очень немного. И это понимали все.

Как одна большая ледяная ночь пролетело почти двое суток, за которые никто не сомкнул глаз.

Металлолом из Антарктиды не вывезешь, все, что изнашивалось, устаревало, заменялось, выбрасывалось за 25 лет на «Востоке», можно найти на свалке за станцией, именуемой, впрочем, вполне респектабельно — склад открытого хранения. Эти давно никому не нужные железяки спасли их.

Инженер-буровик Борис Моисеев с помощью ребят за несколько часов восстановил почти безнадежный брошенный десятикиловаттный дизель. Кто-то вспомнил о полярном изобретении, не менее примитивном, чем надежном — печи-капельницы — приспособлении вроде буржуйки, работающей на солярке. Притащили ее в кают-компанию, зажгли в помещении, где температура уже вплотную подбиралась к нулю, начали стаскивать сюда, в единственное пока обогреваемое помещение, все, что безвозвратно мог погубить мороз. В первую очередь это были лекарства, продукты.

Перебросили кабель от ненадежного, хрипящего и стучащего дизеля к рации.

Есть моменты, ситуации, которые трудно понять заочно. В частности, что значит потерять связь с Большой землей и что значит восстановить ее. И вот связь была!

Коротко отбили сообщение о случившемся. И только тогда, совсем ненадолго, смогли остановить бешеную, иступленную работу, чуть согреться у ярких вспышек капельницы, протянуть по очереди к огню задревеневшие, содранные в кровь руки. И еще — обдумать, оценить ситуацию, в которой все они оказались.

В радиограмме, которую они послали на Большую землю, не было сигнала «SOS». Зимовщики лишь доложили о ЧП. Вскоре пришла ответная радиограмма.

Родина предлагала чрезвычайные меры для спасения своих граждан. Чрезвычайные меры — это тяжелый самолет, который имел ничтожную вероятность пробиться к «Востоку». В это время здесь никто никогда не летал. Са-

молет мог погибнуть. Тогда попытка была бы повторена. Если даже предположить, что полет бы удался, о посадке не было и речи. Он сбросил бы самое необходимое, например, дизель, и вновь, с необычайным риском, без навигационных приборов, при нулевой видимости проделал бы путь назад.

Но попробуй сбросить его точно! Допустим, тяжеленный дизель приземлится в километре от станции, кто, на чем — вся техника стоит до наступления полярного дня — дотянет его до «Востока»?

Споров не было. Страшным грузом легла на всех смерть Карпенко. Нет, в ней никто не был виноват, но рисковать еще чьей-то жизнью? Полярники единодушно решили — справимся сами. Решение это немедленно передали на родину. Чтобы не волновать родных, отбили довольно туманные телеграммы о том, что, мол, в связи с перегруженностью радиостанции, возможно, долго не будут подавать о себе вестей. Тогда еще никто не был уверен в том, что в таких условиях вообще можно выжить. Прецедентов, как говорится, не было... Начиналась долгая полярная робинзонада на куполе планеты...

Из обычных газовых баллонов сварили еще несколько капельниц; нещадно коптившие, они все-таки давали какое-то тепло, правда, уже едва ощутимое в 2—3 метрах от печи. Сгрудились все в нескольких помещениях, здесь же сложили приборы, продукты, все оборудование, которому нельзя было подвергаться переохлаждению.

Из дневника Максимова

14 апреля. Мои ручки замерзли. Пишу карандашом. В моей комнате — минус 28. За истекшие сутки вся станция боролась за выживаемость.

Необходимо было организовать несколько точек обогрева. Срочно делаем капельницы. 2 уже установили. Одну в каюте, куда мы из замерзающего склада за 6 часов перетаскали 4 тонны продуктов. Правда, основная масса картофеля и лука замерзнет: на них просто не хватает физических сил.

В каюте удастся поддерживать плюсовую температуру. Другую капельницу поставили у радистов, чтобы не заморозить рацию, так как аварийной нет. Это нам удалось, и меньше чем через сутки мы вышли в эфир.

Третья точка обогрева у буровиков, где Борька (Моисеев — В. К.) запускает единственный маломощный движок. Он будет питать рацию.

В этих трех точках мы все и разместились. У радиостов — 7 человек, у буровиков — 7 человек, остальные в каюте.

Теперь уже было не до комфорта—нужно было выжить.

И если бы они всё подчинили только этой цели и выжили, победили, уже и тогда это было бы актом подлинного героизма.

Но уже через несколько дней, вместе с работами по какому-то, пусть хоть минимальному благоустройству, когда вопрос «дотянут или не дотянут» они до конца зимовки стоял еще со всей остротой, «восточники» возобновили деятельность по комплексной программе изучения Антарктиды. Без приказа, без указаний свыше, просто каждый понимал, во что обойдется стране срыв этой программы.

Самое драгоценное в этих условиях, энергию дизеля, они использовали для работы научных приборов. Было продолжено бурение уникальной скважины в толще льда и выемка кернов с такой глубины, с какой их еще никто никогда не доставал.

Как много может рассказать ученым вода, схваченная морозом более ста тысяч лет назад!

Вновь полным ходом шли исследования магнитологов, геофизические, медицинские и астрономические наблюдения. Они многое сделали здесь впервые, собрав бесценный научный материал. Об этом, очевидно, еще не раз будут говорить и писать специалисты. И, вместе с тем, понемногу налаживался быт. Было тяжело, очень тяжело, но работа создавала более или менее привычный ритм, спасала от психологических срывов.

— Наверное, по-настоящему мы поверили, твердо поверили в то, что теперь уже непременно выживем, когда в канун Первой удалось организовать баню,— рассказывает Максимов.—Первую после пожара. Выручили все те же самодельные печи-капельницы, на которые водрузили бак для воды. Устаревшие, кустарные, нелепые приспособления — сколько спасенных жизней на вашем счету!

Буквально на глазах преобразились люди, вышедшие из «бани», казалось, смывшей вместе с сажей, постоянно досаждавшей зимовщикам, тревогу и отчаяние, вселившей надежду и уверенность в завтрашнем дне.

Из дневника Максимова

1. 5. 1982. Вот и прошли четыре месяца на «Востоке». Страшных, трагичных, целых четыре месяца. А сегодня у

нас настоящий праздник, удалось в бывшей жилой комнате Моисеева Бориса сделать баню и всем помыться.

Вот уж где настоящее блаженство!

А в 4 часа дня все собрались за праздничным столом в каюте, а в наших комнатах капельницы выключили (опасаясь пожара — В. К.).

Ели сделанные накануне пельмени. Принесенные с мороза, они валяются в кастрюлю с каменным стуком. И здесь мы опять не подрастчитали — вскипевшая вода мгновенно остыла и пельмени превратились в кашу. (Температура пельменей, принесенных с мороза, где-то около минус 75 градусов, а вода кипит на «Востоке» при температуре плюс 82,3 градуса — В. К.).

Посмотрели фильм (впервые после пожара) «Женищина, которая поет». Гоняли наш единственный движок полный день. Можно же было и себе сделать праздник!

Итак, подводя итог с 12 апреля по сей день, можно сказать, что сделано много:

1. Созданы капельницы и очаги тепла.
2. Заготовлено топливо.
3. Сохранена основная часть продуктов.
4. Налажена связь, хотя ограниченная.
5. Налажено трехразовое питание.
6. Построена баня.

Но праздники проходят. И вновь начинаются будни. «Штатные» будни на замерзающем «Востоке», каждый день которых — подвиг!

Тяжелая, изматывающая работа. Как мало оставалось порой до срыва, до отчаяния, когда — гори все синим пламенем! — хватит, нет больше сил для борьбы...

Но именно здесь ты всегда на виду. Именно здесь невозможно скрыть не только поступок — мысль. И видя, что товарищу тяжело, другие приходили ему на помощь. Добрым словом, шуткой, внезапно нужной срочной работой, которая скрепляет крепче цемента.

Вот возникла идея — механизировать разлив солярки по капельницам. Несколько дней изнурительного труда. Под бочки укладывали металлические опоры — катили по ним, так как сухой снег тормозит не хуже песка. Задача решена и: «Молния. 1 августа 1982 года. Сегодня ДЕНЬ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ!!!

Горячо и сердечно поздравляем жителей дома геофизиков — ПЕРВЫХ железнодорожников ст. «Восток», которые впервые в тяжелейших условиях бездорожья и экстремально сурового климата проложили железнодорож-

ную ветку ГСМ — дом геофизиков длиной 20000 см. и, не щадя животных своих, провели по ней тяжеловесный состав из 50 бочек с дизтопливом.

ВАШ беспримерный подвиг навсегда останется в памяти ваших товарищей и грядущих поколений!!!

УРА!!! УРА!!! УРА!!!»

А потом начался отсчет дней до восхода солнца, до конца полярной ночи, до прихода товарищей.

Из дневника Максимова

23. 11. 82 г. Сегодня собираемся встречать поход. По последней связи наш радист выяснил, что они планируют прибыть к нам часа в 2 дня, но уже с утра все нет-нет да смотрят в сторону Мирного. Валька Морозов на завтраке заявил, что он видит точки на горизонте, хотя даже в бинокль там еще ничего не было заметно. Только где-то около 12 часов на горизонте появилась серая полоска. Это выхлопы мощных машин. Около часа дня нас 9 человек пошли к символическим воротам станции, которые представляют собой два столба из поставленных друг на друга бочек. Эти ворота находятся от «Востока» в 1 км и там по традиции устраивается первая встреча похода. На горизонте дымный шлейф разрастается все явственнее, и совершенно незабываемое зрелище, когда из него начинают появляться сначала темные точки, затем уже можно разглядеть движущиеся квадратики, которые на глазах превращаются в мощные семикатковые машины. И вот уже армада ярко-красных «харьковчанок» и тягачей АТТ подходит к воротам. Нас приветствуют залпы из ракетниц, мы отвечаем тем же. На головной машине транспарант «Мужественным Восточникам протягивают руку Миряне». Бросаю взгляд на часы, на них 14. 12. Все мы садимся в машины и уже вместе с походниками прибываем на станцию. Затем торжественное построение экипажей машин и всех «восточников». Наш повар преподносит хлеб-соль, походники дарят торт. Сейчас все они пойдут в баню, затем банкет в каюте.

Те, кто приехал, были потрясены. Хрустящие, сверкающие белизной простыни. Накрытые столы. И действующая, ведущая полным ходом программу исследований станция! Бодрые, не потерявшие присутствия духа, люди.

Был здесь, конечно, у «восточников» свой определенный кураж. Не ныть, не хныкать! Показать, на что способны!

Что и говорить, не каждую ночь спали здесь на накрахмаленных простынях, не каждый день лакомились тем, что выставили для приезжих на праздничные столы...

Люди были измотаны. Но когда пришло время «мирянам» возвращаться, ни один из «восточников» не согласился уехать с ними.

Из дневника Максимова

3. 12. 82 г. Вчера в 13 часов проводили походников в Мирный. Они нам помогли подготовить полосу для приема самолетов, откатали ее, выровняли, утрамбовали. Совместно с нашими механиками запустили 70 кв. ДЭС, которую они нам доставили. Теперь можно будет оживить все раньше замороженные комнаты, а также здание аэрологии. За эти дни изрядно устали, т. к. все работали на разгрузке грузов, которые были доставлены, а это около 5 тонн труб и лесоматериалов, 4 тонны муки, новый жарочный шкаф, дизель-электростанция и много всяких мелочей. Длительная работа на открытом воздухе, даже теперь, когда тепло (минус 35—40), приводит к озноблению легких, обострению миозита и других болячек, которые потихонечку прицепились к нам за зимовку. У меня опять заболело ухо, кашляю, да еще потянуло кисть левой руки, так что теперь ничего не могу ею взять тяжелого. Теперь уже вплотную будем готовить станцию к передаче новой смене.

Что еще рассказать об этих людях? На «Востоке» началось лето, весьма условное, впрочем, если учесть, что «тепло» — это минус 35—40 градусов, но в этих условиях уже возможны полеты.

Прилетел первый самолет, за ним еще и еще. В идеальном состоянии сдал 28-й советской антарктической экспедиции станцию «Восток», полярники покидали Антарктиду.

Правда, многие, в том числе и Максимов, чьи материалы, собранные в период этой зимовки, оценены научной общественностью страны как абсолютно уникальные и неповторимые, еще не раз вернутся туда, где навечно укреплена мемориальная доска в память о подвиге коммуниста Алексея Карпенко и стоит небольшой самодельный памятник этому мужественному человеку.

Антарктида — манит смелых...

ВЫСОТА

Двоюродный братишка Узак — завзятый книгочей.

— А вот есть у тебя такая книга, — спросила Калия, — чтобы прочитать, а потом думать и думать?

— Все настоящие книги — такие, — улыбнулся Узак. — Для тебя особенно вот эта подойдет. Возьми.

— «Соколиная семья»... А почему именно для меня? — дернула плечом Калия.

— Ну, я же знаю твой характер...

А какой у нее характер? Мама говорит — нелегкий, не-девчоночий. Виданное ли дело, для проверки собственной храбрости пытаться перелезть с балкона на балкон. Да и во дворе мальчишки выделяют Калию из всего девичьего общества. Не побоятся через забор махнуть или хулигану дать отпор. Есть у нее сила.

Очередной «классный час» Геннадий Максимович Исаев решил посвятить разговору об интересах, о будущей профессии. Восьмиклассникам уже пора думать о завтрашнем. Калия Токтогулова сама подняла руку.

— А вот как быть мне? Прочитала одну книжку, пролетчиков и... В общем, хочу прыгать с парашютом!

Все оторопели. Всякого можно ожидать от Калии, но такого... Покрасоваться отвагой хочет перед всеми, а сама, поди, с девятого этажа глянуть боится.

— И ты не знаешь, как быть? — спросил классный руководитель.

— Полтора года уже не знаю.

— Тебе повезло. Я занимаюсь планеризмом в городском клубе ДОСААФ. У нас есть и группа парашютистов. Приходи. Может, еще кто пожелает прыгать? Мальчики, что же вы?

Такой день запоминается каждому. 24 мая 1977 года Калия совершила первый прыжок. В тот миг, когда хлопнул купол парашюта и ее крепко подтянуло на ремнях, она поняла, что может все. И недавно в 472-й раз покинула борт самолета, чтобы через несколько секунд свободного полета дернуть кольцо и, хладнокровно управляя куполом, приземлиться точно в круг. Кандидат в мастера спорта, член сборной Киргизии — к этому ее приближал

каждый прыжок, к этому она стремилась все время. Характер? Да. Но его еще мало, чтобы стать настоящей личностью.

Небесные покорители — космонавты, летчики, парашютисты — живут все-таки на земле. И у Калии земное дело вполне обычное. Задолго до того как люди научились летать, они овладели ремеслом строительным. Завяжите Калие глаза, она все так же сноровисто будет вести кладку, постукивая мастерком по кирпичам, словно прослушивая гармонический лад будущего здания. Собственно, о стройке она особенно не загадывала, планы были другие. Но в школе, накануне выпускного, стали собирать бригаду, чтобы ответить на призыв горкома комсомола: «Стройкам города — комсомольскую заботу!» А как же обойдутся без Токтогуловой? Записалась и она. Первое время коллектив всему СМУ-1 был известен: старательно работали ребята из школы № 40. А потом нескольких парней призвали на службу в армию, одна за другой стали расходиться девчата: кто на фабрику — там полегче, кто в институт — это перспективнее. Осталась от той бригады одна Калия. Опять характер выдерживает?

— Могла бы уйти и я, особых укоров не было бы. Потому что к увольнениям привыкли. Но я не успела сделать ошибку. Например, сколько бы ни прыгала с парашютом, каждый раз узнаешь что-то новое и в себе, и в самом процессе. Так получилось и здесь, на стройке. Профессия стала попросту открываться мне. Ее высокий смысл я ощущала всегда, это со школы воспитано. А вот само существо дела, какие-то детали, штрихи — дойти до них можно лишь со временем. И теперь появилась у меня цель: поступить заочно на строительный факультет. Мое место здесь, на стройке.

Но как всякий беспокойный человек ищет Калия, чем же сделать свое рабочее место привлекательным для других? Бригадир Василий Петрович Туев каждого новичка принимает с особой тщательностью. «Комсомольская путевка», конечно же, не за глаза дается. Но сколько раз бывало: только обучишь парня ремеслу, а он уже другую работу присмотрел, заявление об увольнении носит в кармане. Раздумьями о своей бригаде, о молодой смене поделилась Калия на съезде комсомола Киргизии. Проблема республиканского масштаба. Тысячами направляются на стройки выпускники школ, а через год их — раз, два и обчелся.

— Но все ли сделано самими строительными организа-

циями, чтобы закреплялась молодежь? — тут же спросила Калия. — Только 90 комсомольско-молодежных бригад из пятисот работают по методу бригадного подряда. Сам метод отмечает юбилей за юбилеем со дня своего одобрения, а у нас в республике о нем больше разговоров, нежели дел. Хозяйственники не желают лишних хлопот, в итоге топчется на месте само предприятие, молодые покидают стройки.

Калия имеет полное право говорить с такой требовательностью. Ее бригада досрочно выполнила план первых трех лет пятилетки. Сама Калия награждена медалью «За трудовое отличие». Ее она носит выше других знаков доблести — спортивных.

И с самолета, и со строительных лесов она каждый раз спускается на землю, это если говорить в конкретном смысле слова. Но иногда «на грешную землю» приходится спускаться с высоты своих представлений о чести, достоинстве человека.

— Обращаюсь к вам как к депутату Ленинского райсовета, — несколько чинно начала одна из посетительниц и умолкла: поймет ли молоденькая всю каверзную суть ее запутанного дела?

Сходила Калия в Министерство юстиции республики — ни больше, ни меньше — проконсультировалась там. И когда состоялся пересмотр дела, никто не усомнился в правоте той женщины, которая с давних пор убеждена: первый помощник — твой депутат, за которого голосовала.

...Она огорчилась, что отложили сборы. Земля весной такая красивая с высоты. Делашь сальто в свободном полете, и вдруг зеленый ковер полей оказывается сверху, а ты словно устремляешься в небо. Почему она любит парашютизм?

— Потому что в нем от решения до поступка ровно один шаг, — говорит Калия. — Самый быстрый способ проверить себя — это прыгнуть и суметь приземлиться.

Эта наука ей еще ни раз пригодится в жизни. Потому что живет Калия с ощущением полета.

ПО СЛЕДУ БАРСА

Горы, горы вокруг до самого неба. Отвесные черные скалы, жуткие каменные реки, хаос громадных, лоснящихся изумрудным мхом валунов. Угрюмые теснины скупо украшены редкими кустами вечнозеленой арчи. Далеко внизу густо-синие сталактиты прыгучей речушки. Сверху ползут рваные клочья стылого тумана. Вздрыбленный, величественный мир. Оглушающая, ватная, неправдоподобная тишина тревожного покоя. Изредка дрогнет воздух от пушечного грома сорвавшейся где-то лавины. Или прыгнет сверху, с мертвым стуком промчит по каменной осыпи кусок скалы. И тогда долгое эхо раскатывает по ущельям грозную величественную мелодию. Горы поют, как орган Баха. Замрет на тревожной ноте последний аккорд — и опять тишина.

Легкие хватают разреженный воздух, еле сдерживаем свистящее дыхание, пот заливает глаза — высоко забрались, до вечных снегов хребта — рукой подать. Мой спутник чем-то похож на эти скалы. Крупные, грубовато вытесанные черты лица, рыжие кустистые брови. Узловатые кисти рук бугрятся синими жилами. Сидит на камне плотно, словно слившись с ним, оглядывая в бинокль угрюмые кручи.

— Козел камень сорвал, — шепотом говорит мне он. — На солонцы идет, придется еще подождать.

Знаете ли вы, что такое охота в горах? Не могу признать себя заядлым охотником, да и стрелок, если честно, неважный, но побродить с ружьишком обожаю. Приходилось поджидать на малиновой зорьке посвист утиных крыльев в камыше, плыть по груди в снегу таежным распадком, подбираясь к кабаньим лежкам, давно мечтал испытать счастье в горной охоте. И вот позвонил знакомый инспектор охотобщества: для экспозиции на ВДНХ разрешено добыть пару горных куропадок — кекликов, да еще улара. Улар — это уже серьезно. Осторожная горная индейка обитает на самых высоких кручах, не всякий охотник может похвастаться такой добычей. Весь вчерашний день, проклиная свое тщеславие украсить экспозицию желанным трофеем, я штурмовал перевалы, убил время и ноги, да

так, что, едва добравшись до становища, решил: больше в горы я не ходок. Но вот эта встреча...

Зовут его Василием Николаевичем Смолиным. Он нештатный промысловик Киргизского зонального зоологического комбината. Тридцать лет живет в этих горах, охотник на редкость удачливый и известный. Он и оживает, лишь говоря об охоте, где-нибудь у вечернего костерка, и тогда им заслушаешься. Вчера вечером я напросился к нему в напарники. Обычно опытные охотники не любят рядом с собой дилетантов вроде меня — только помеха. Но Василий неожиданно согласился.

— Что ж, пойдем, если моща есть. Только так: в горах команду я. Что скажу, то и делай, понял?

— Все понятно. Ну, а снаряжаться как, на что идем?

— Видишь, туманит, снежок. Кошка должна подойти. Погода в самый аккурат.

— Кошка? Что за кошка? Барс, что ли?

— Он самый. Заказ у меня на него.

Легко представить, как прыгнуло сердце у меня в груди. Владыка снежных вершин, горный леопард — сколько песен, легенд, сколько захватывающих дух историй связано с ним в киргизских горах! Идти на него вот так, запросто, без соответствующей моральной подготовки? Уж не разыгрывает ли меня Смолин? Едва дождавшись утра, я отправился в распадок, где у самой дороги примостилась его охотничья землянка. Она почти зарылась в подножье горы, выглядывает только часть покато́й крыши да оконце. У землянки — несколько пугал, совсем как на какой-нибудь бахче. Зачем они здесь?

— Грифы замучили, джорики, — пояснила жена Смолина, Валентина. — Хозяйство у нас невелико, кролы да куры. Вот и повадились таскать, разбойники.

Землянка поставлена хитро. Как пояснил Василий, ей ни камнепад, ни снежная лавина не страшны. Потому что вверху хребта как раз в этом месте вздыбился острый зубец. Без таких вот житейских премудростей в горах жить — беда. Прошлым летом рядом разбили палатку сборщики эфедры. Василий предупредил: не ставьте здесь, опасно. Не послушались. И первый же камень прошил палатку насквозь. Хорошо — днем, когда в ней никого не было.

Внутреннее убранство землянки таково: небольшая печурка у дверей, натопленная так жарко, что разом забывается ранняя горная стужа. Просторные — от стены до стены — нары, в расчете на то, чтобы могли скоротать ночь

заплутавшиеся в горах городские охотники. За низкие доски потолка напиханы пружины, жижи, стальные петли и всякая охотничья снасть неизвестного мне предназначения. По стенам развешаны снизки золотистого лука, пахучие пучки каких-то сушеных трав. И неожиданно — классная фирменная шестиструнка — гитара, невесть какими путями, как экзотическая птица, запорхнувшая в этот простой и суровый отшельнический интерьер. «Люблю иногда побренчать», — пояснил Василий.

Сидим, пьем чай. И я хочу рассказать, как живут вдаль от шума городского эти двое уже немолодых и несентиментальных людей.

А чай у Валентины — не чай, а просто сказка какая-то. В нем и мята, и чебрец, и зверобой. Не пьешь, а словно летний полдень в себя вдыхаешь. Поэма, а не чай.

С детства полюбила она горы с их волшебными богатырскими травами. Собирать травы — непростое дело, и не много на него охотников. Мало исходить по крутым скалам десятки километров в поисках заветной полянки. Надо еще знать пору, когда трава в полной силе, когда она самая целебная. Да собрать еще умело, не повредив корней, чтобы и на будущий год зацвела полянка синим чебрецом, пахучей мятой. И высушить надо в самый раз, чтобы похвалили товар на приемном пункте. А это — и умение, и терпение великое. На этот год у нее договор: должна сдать она три тонны эфедры. Маленькая хрупкая женщина — и целый стог сухой травы, которую не так просто найти, скосить серпом, вынести из дальних урочищ на своих плечах, высушить. В последнее время сборщикам целебных трав стали хорошо платить. И все равно не в деньгах тут дело. Бывает, позарится человек на большой заработок, заключит договор, а налазается по горам да и плюнет. Оттого и такой дефицит в наших аптеках — бесценный дар зеленой аптеки. А Валентина собирает травы всю жизнь. Любит и знает свое дело. Так и говорит: люблю и знаю. Редко какой человек может сказать так о своей профессии. Счастливый тот человек.

Но довольно о Валентине и о флоре. Пора рассказать и о фауне, о Василии. Он вообще-то горожанин, и промысловиком-охотником стал довольно случайно. Было это в годы войны. На большой завод, где работал в то время Василий, пришла разнарядка: послать бригаду на лесоразработки. Время было суровое, о природе тогда думать не приходилось, и в этих горах, где за каждую сломанную ветку сейчас полагается штраф, валили лес.

И паренька, который, естественно, рвался на фронт, прикрепили к бригаде лесорубов. Да еще как прикрепили: по малолетству не доверили даже пилы и топора. Ведь ему тогда еще и шестнадцати не исполнилось, придавит деревом — отвечай за него. Иди вон на кухню истонником, сказали. От обиды Василий взял бригадную берданку и пошел бродить в окрестностях. Вернулся с добычей.

— Эге, брат, да ты всю бригаду кормить можешь, — похвалили вечером лесорубы, наворачивая вкусный кулеш. — Вот и нашел ты себе дело.

Так и нашел себе дело. Оказалось — на всю жизнь. Сначала кормил охотой всю бригаду лесорубов, потом сманил его на договор уполномоченный по заготовкам дичи. Появилась у Василия и добрая винтовка, и тайган — киргизская борзая, которая на охоте просто незаменима. Но — пропала удача.

Был такой охотник в горах. Тюлеген его звали. Старый, опытный аксакал, горы как свою юрту знал. Приклеился к нему Василий, по пятам ходил — научи.

— Как учи? Зачем учи? Рядом ходи — сам смотри. Дурак не будешь — все понимать будешь.

Лишь многие годы спустя понял Василий, почему так скуп был на советы старый охотник. Мудрость словами не передашь, ее самому надо в горах вышагать, за плечами выпосить. Тысячу секретов надо знать, и ни одним законом гор нельзя пренебречь. Охота слишком серьезное дело, и учиться надо ей по-серьезному, с полной ответственностью. Охота в горах — вдвойне опасна. Не только добычу, голову можешь домой не принести. Под лавину или под камень понадешь, со скалы сорвешься или барс тебя задерет. Немало сапог пришлось ему истоптать, пока не повернулась лицом к нему охотничья удача снова. Знал он теперь, как козерога на отвесную скалу загонять, как поджидать элика на крутых тропах, как подманивать на свист осторожного улара. Теперь он мог с полной уверенностью сказать: вот и стал я настоящим горным охотником.

И еще одному человеку на всю жизнь благодарен Смолин за охотничью науку. Жил в этих горах известный зверолов Иван Братко, светлая ему память. Он-то и обучил Василия высшему пилотажу промысла — отлову зверья живьем. Для зоологического комбината. Это оказалось во много раз труднее, чем простая охота, и во много раз интереснее. Знать все повадки чутких, сверхосторожных животных, перехитрить их — тут терпения одного маловато. Тут смелость нужна, сила, изрядное мужество. Могучий

теке, горный козел — силы немеряной, да и вес у него изрядный. Как его в целости и сохранности с гор опустить? А что говорить про леопарда — снежного барса?

По заоблачным высям, в царство безмолвия и вечных снегов пролегли легкие, размашистые барсы тропы. Снежный барс — редчайшее животное, говорят, что на международных аукционах за двух барсов выменивают слона. Красивое, сильное, гордое млекопитающее. Впрочем, млекопитающее — это так, из научной терминологии. Барс «пасет» самую достойную добычу — козорогов. Он редко «опускается» до мелкой охоты. Снежный барс — чемпион мира по прыжкам, на двадцать метров может сигануть. Как сама смерть, неотразим могучий прыжок барса. Человека барс совсем не боится. Во-первых, потому что гуляет там, где ему запах человеческий неведом. Во-вторых, барс вообще никого не боится. Его королевской крови страх не известен. Но кошачья манера обходить свои владенья огромными кругами с природным педантизмом — раз в десять-пятнадцать дней — иногда подводит его. На этих тропах и ставят на него ловушки барсоловы, люди редкой и опаснейшей профессии. Под охраной Красной книги популяция барса в киргизских горах значительно возросла, и теперь, учитывая многочисленные запросы зоологов мира, изредка выдаются разрешения на отлов барсов. В этом году получил такое разрешение и Смолин.

Метрах в десяти от нас на снежной пороше — свежий отпечаток огромной кошачьей лапы. Подушечки такие четкие, как нарисованные, даже кончики когтей продавлены. Здесь его тропа. Наши ловушки выше, там, где клубится туман. Есть ли в них что-нибудь? А вдруг барс затаился, и еще неизвестно, кто на кого охотится? Чувствую, что меня пробирает дрожь, и успокаиваю себя, что это от холодного камня, на котором мы лежим. Мне было бы много спокойнее с двухстволкой, но Василий брать ружье категорически запретил: стрельба на солончаках ни к чему. Сжимаю в руках альпеншток, мою единственную надежду отмахнуться в случае чего. Василий шепотом дает последние наставления:

— Сидит барс в ловушке — я сам брать буду. Твое дело — отвлекать его. Шуми, кричи.

— Я его фотографировать буду, можно?

— Валяй, только близко не подлезай, а то как бы он тебя не сфотографировал.

Все киргизские барсоловы берут зверя капканами. И Смолин ставил капканы, пока не изобрел ловушку соб-

ственной конструкции. Делается она так. По загребам, по едва заметным на камнях следам определяет он барсью обходную тропу. В самом неудобье, где по-иному ступить зверю нельзя, вырывает неглубокую ямку, затягивает ее частой сеткой из тонкой проволоки. Поверх нее — легкая ткань, чтобы не осыпался грунт, затем — петля из тросика, и тщательная маскировка хвоей, землицей. Как только барсья лапа продавит ямку, срабатывает сильная пружина, которая подбрасывает петлю вверх и затягивает ее на лапе. Вся хитрость в самозатягивающемся фиксирующем узле, который придумал сам Смолин. Капкан уродует лапу зверя, он не всегда надежен. Если барс зацепился только кончиками пальцев, то, вырвавшись, он бросится на охотника. Петля держит лапу высоко и надежно. Я потому это подробно рассказываю, что, правду сказать, немногое осталось в Киргизии опытных звероловов. Десять учеников прикреплялись к Смолину в разные годы, ни один не стал настоящим кадровым промысловиком. Трудно, опасно, удачи редки.

Прошу его рассказать об одном каком-нибудь памятном поединке. Он ненадолго задумывается, потом оживает: — Да вот хотя бы тот случай!

А случай был такой, что решил он однажды отдохнуть. Обычно, когда есть заказы зоокомбината и стоят ловушки, ходит в горы каждый день их проверять. Без этого нельзя: козерога в ловушке может задрать хищник, а у охотника «добро» на живого зверя, а не на его рожки да ножки. А тут что-то устал, днем не вышел на проверку. Ближе к вечеру стало невмоготу. Дай, решил, все-таки схожу, проверю. Пока забрался на хребет — стемнело. А в петле — крупный барс. Что тут делать? Не оставлять же до утра. Посидел Смолин вблизи барса, перекурил. Это у него манера такая. Барс змеей шипит, рыком исходит. По окрестным горам его грозный клич — кау-рр-рр-кау-рр — раздается. А ты посиди, покури, успокой его. Да и сам успокойся. Затем начиная подходить.

Барс предостерегающе вытягивает навстречу могучую лапу. А Смолин набрасывает на эту лапу и на шею веревку. Затем втягивает барса в легкую проволочную клеть. Упирается зверь, бьет когтистой лапой воздух, холодные молнии мечут его не знающие жалости глаза. Тут уж пошло единоборство: кто — кого. По технике безопасности обязательно положено только вдвоем барса брать. Но забыл Смолин в тот раз в азарте про опасность и поплатился. Не стал тот барс долго упираться, а вдруг прыгнул на

охотника. Спасибо, что близко уже от клетки он был и опрокинул ее на Смолина. Это и спасло, успел откатиться. Только раз прошла по нему страшная пятерня клинковоктей, но вспорола фуфайку и тело. Пришлось начинать все сначала, но прежде всего задействовать отвлекающий фактор — разжечь костер.

— Так-то вот бывает, — подытожил он свой рассказ. — А киску я в ту же ночь взял. На себе спустил с гор. Только под утро, весь в крови, в землянку вернулся.

Таким образом взял Смолин уже десятки барсов. Где они теперь — даже и не знает. Может, в Париже, может — в Праге, может — в Гаване. Да по всему миру, где только есть зоопарки, обладающие таким редкостным и красивым зверем, живут теперь «крестники» Смолина.

Такая у него работа. Наверное, не самая гуманная, пленить даже зверье не очень нравственно. Но пока это нужно, ее надо выполнять. А лучше его эту работу никто не делает.

В тот день барса мы так и не взяли. Когда рассеялся туман и пришла пора карабкаться наверх проверять ловушку, мы вдруг услышали громкий топот. Прямо на нас вниз катилась стайка перепуганных кем-то козерогов. Промчались, словно ветер вблизи, так что я не успел даже фотоаппаратом шелкнуть.

— Рыси! Ах вы, подлые твари, обнаглели уже, и днем гоняют! — долго ругался Василий и грозил узловатым кулаком ближним зарослям стланника, где мелькнули две желтые прыгучие кошки. Потом уже, когда мы спустились с гор опять в землянку, под чудесный Валсепитинин чай, Василий долго убеждал меня в зловерности этих хищников.

— Это ж губитель природы хуже волка.

Василий рассказал мне, как недавно в следах рыси он насчитал больше сотни копытца элика, мирной миниатюрной горной косули. И каждое копытце — с ноготок. Значит, рысь выедает всю молодежь. Справедливость его слов подтвердил и охотовед Петр Головачев, заглянувший к Смолину в землянку на чаек по старой дружбе.

— Там, где рысь завелась, — мертвые горы. А на нашем участке — больше тридцати штук. Подчистую метет.

Может, стоит специалистам прислушаться к мнению знатоков охотничьего дела? Если популяция рыси в республике еще недостаточна, то, может быть, отлавливать ее там, где густо, и расселять там, где пусто?

Чтобы закончить рассказ о лучшем барсолове республики Василии Смолине, приведу еще два штриха, которые

не главные, но все-таки характеризуют его как человека. Несколько лет назад с ним случилось несчастье. Ехал в город на своем «ижаке», мотоцикле «ИЖ-планета», и угодили в автокатастрофу. Врачи отняли ему левую ногу выше колена. Поначалу он захандрил: какая теперь охота! Взаялся обучать своему искусству молодежь. Но мало-помалу все-таки «горная болезнь» его пересилила. И теперь он ходит по таким тропам, где и здоровому-то человеку просто тяжело. На костылях, на одной ноге вскидывает он себя на вершины хребтов. И при этом находит силы еще и шутить: мол, на трех ногах в горах даже сподручнее. Не думаю, чтобы это было так. Хотел я эту деталь привести в самом начале рассказа о нем, но потом не стал этого делать. Уже потому, что сам Василий на этом внимание не акцентирует. Ему это и не надо делать: свое мужество он проявляет в борьбе с барсами. Хотя, может быть, именно это обстоятельство как раз больше всего и характеризует его как человека.

И еще одна деталь. Василий Николаевич пишет стихи. «Стишки», как он выразился. Я почитал: действительно, стишки. «Барсы» в них рифмуются с «государством». Но мне эти стихи показались прекрасными. Разве в одних рифмах тут дело? Просто эти стихи — еще одно подтверждение того, что по-настоящему сильный и мужественный человек всегда в душе своей лиричен.

Так живут и трудятся в киргизских горах двое немолодых людей. На безлюдье, в суровых условиях, они делают свое скромное дело мирно и слаженно. И когда говорят они о своей работе, такой незаметной, но такой мужественной, не каждому доступной, такой нужной людям, то и дело слышится в их речах волшебное слово «люблю».

ВОСХОЖДЕНИЕ

— Быть на кого-то похожей — не хочется, хотя я знаю, что поиск своего «я» в искусстве балета, где столько блистательных имен, незыблемых традиций и канонов, весьма долг и труден. Но ведь без этого нет артиста, — говорит молодая балерина Киргизского академического театра оперы и балета Елена Орузбаева.

Несколько лет назад она окончила Ленинградское хореографическое училище имени Вагановой и была принята в балетную труппу нашего театра, где прочно вошла в классический репертуар. Первые же ее выступления на фрунзенской сцене в спектаклях «Материнское поле», «Куйручук», «Спящая красавица», «Тщетная предосторожность» принесли признание, стали несомненной удачей. У Елены появились свои поклонники, и многочисленные знатоки балета предсказывали ей блестящее артистическое будущее.

...Лена маленькая. Хотя она, конечно, подросла со времени окончания училища. Взрослеет, однако черты воспитанницы Вагановского училища не исчезли бесследно. Стрательность школьницы еще просвечивает в том, как трогательно-аккуратно выполняет она текст своей новой партии в балете «Лебединое озеро». Волнение воспитанницы, привыкшей получать по классике высшие оценки, нет-нет и обнаружится — то в замаскированном страхе перед трудной комбинацией, то в отчаянном взгляде в сторону дирижера А. Джумахматова. Ведь только для тех, кто смотрит, восхождение Орузбаевой безоблачно, безуспешно. А для самой Лены — восхождение весьма сложное. И время, переживаемое хрупким дарованием, тоже не из простых. Во-первых, наступила пора оправдывать и раннюю славу, и популярность, и прочие лавры. Во-вторых, совершилось вхождение в творческую труппу профессионального театра, началась работа с новыми педагогами, новыми репетиторами. И, наконец, перспектива выступления в роли, уже имеющей в театре исполнительскую традицию. Непревзойденная героиня Б. Бейшеналиевой, созданная с такой поэтической одухотворенностью, с таким поэтическим проникновением в лирику Чайковского. Пленительные в своей

грации Одетты-Одилии, сотворенные мастерством Р. Чокоевой и А. Токомбаевой. Перед такой «портретной галереей» любая дебютантка неизбежно почувствует и робость, и трепет. Но в Орузбаевой незаметно особой робости, особого трепета. Причина тому, видимо, в совпадении «условий игры» с ее возрастом, с ее внешностью. Чем больше доверяется она собственной интуиции, чем больше осваивает задания наставника лауреата Государственной премии СССР Урана Сарбагишева, исходя из своих конкретных возможностей, тем интересней наблюдать за ее восхождением к вершине нового образа.

А дебют состоялся пять лет назад в балете-оратории К. Молдобасанова «Материнское поле», где выпускница Ленинградского хореографического училища станцевала партию Алиман. По общему признанию, ее Алиман — эта «тоненькая, черноглазая, с косичками девочка», стала воплощением женственности, нежной поэтичности, всего того, чем так щедро наделил свою героиню писатель и постарался воссоздать в своей партитуре композитор. Роль Алиман пришлось по душе артистке, и она с радостью приступила к работе над ней, несмотря на перегрузку партии технически сложными вариациями и сжатые сроки подготовки спектакля. Не все, разумеется, совершенно в ее трактовке образа, не во всем безукоризненно исполнение, но свежесть и обаяние юности, лиризм в передаче внутренних состояний героини восполнили недостаток мастерства.

Путь к столь успешному дебюту начался для артистки еще в детстве. Родилась она в Киргизии, в Таласе. Потом родители переехали в Калмыкию, город Элисту. В шесть лет мама повела девочку в хореографический кружок, там дошкольницу не хотели брать. Однако ученицей она оказалась способной и стала заниматься. В Элисту приехала комиссия из Московского хореографического училища, чтобы отобрать одаренных детей. Лена понравилась строгому жюри, но возраст балерины был юн, необходимо было подождать еще год. Ей повезло, на следующий год приехали педагоги из Ленинграда. Надо было набрать четырех кандидатов в училище, а претендентов было немало. К огромной радости девочки, ее приняли в прославленное Вагановское училище.

К городу она привыкла быстро, новая жизнь захватила, и она занималась с увлечением. Ей повезло на педагогов. Замечательные мастера Ирина Давыдовна Якобсон и Нина Александровна Петрова, разглядев в юном даровании незаурядные балетные данные, старательно вели и поддер-

живали ее в многотрудном пути профессиональной танцовщицы. В течение восьми лет, проведенных в стенах училища, каждое утро для Лены начиналось с занятий классическим танцем. Классика — «святая святых» в балете, но, конечно, это не единственная дисциплина балетной школы. Лена занималась народными танцами, училась игре на фортепиано, овладевала актерским мастерством, искусством грима, изучала эстетику, философию, искусствоведение, и, конечно, французский язык — «официальный» язык балета. Кроме того, проходила и все предметы общеобразовательной школы.

В училище много внимания уделяли балетной практике своих воспитанников. Уже с первых классов учащиеся выступали на сценах Кировского и Малого театров. Танцевала и Лена. В «Спящей красавице», «Тщетной предосторожности», па-де-де в «Жизели», а в балете М. Кажлаева «Горянка» партию непослушной овечки, которую с юной балериной репетировал известный советский балетмейстер О. Виноградов. Кроме того, были и школьные концерты-спектакли, где публика, по словам Орузбаевой, была самой взыскательной. Все это дало свои плоды уже при работе в труппе Киргизского театра, куда Лену пригласил его главный балетмейстер У. Сарбагишев, увидевший ее в выпускных спектаклях: балетах «Времена года» А. Глазунова и «Жизни навстречу» Д. Кобалевского.

Во Фрунзе, в балетной труппе театра Орузбаева сразу привлекла к себе внимание не только замечательной артистической внешностью, но и необычным трудолюбием, серьезностью, с которыми относилась даже к исполнению небольших партий. Предельная профессиональная честность в исполнении любого репертуара привели молодую артистку к успеху.

Разумеется, многое сделано педагогами в училище, заложившими тот фундамент техники и мастерства, что необходимо для будущей танцовщицы. Однако подлинное становление балерины происходит в театре, и для Орузбаевой оно началось с партии Алиманы и особенно Авроры в «Спящей красавице» Чайковского.

...Розовая пачка, розовые балетные туфли, пряди волос под маленькой блестящей короной. Принцесса Аврора — Орузбаева. Кто из них кто? Кому принадлежат эти блестящие, расширенные от волнения и восторга глаза — танцовщице или беззаботной героине французской сказки? Чьей властью длится ослепительный дождь движений —

железной, собранной воли дебютантки или пьянящей свободы первого бала принцессы?

Легко порхают пуанты, прикасаясь к сцене лишь затем, чтобы продолжить кружево танца в воздухе. Но только сомкнулись тяжелые воллы занавеса — не слышна аплодисментов, не видя лиц товарищей, бегом за кулисы: впереди еще два акта.

Аврора покорила своей жизнерадостностью. Балерина очаровала зрителей простотой, обаянием тела, открытостью эмоций, полным пренебрежением к штампам обычной балетной принцессы. Взлет в легком прыжке, взмах рук над головой, и остановка в кокетливом арабеске. Чуть замедлит вращение на последнем большом пируэте — и снова труднейшие прыжковые диагонали, счастливый блеск глаз — как одна торжествующая улыбка.

Лена очень трудолюбива. Иначе трудно быть балериной. Беспощадна к себе в репетиционном зале. Но это не значит, что ей легко на сцене. Успех «Спящей красавицы» дался с величайшим напряжением сил физических и душевных: эти три килограмма веса — цена спектакля — и опустошающая усталость.

Свобода движений, раскованность дороги Орузбаевой в «Тщетной предосторожности». Шаловливая грация, танец, озаренный улыбкой и шуткой, вдохнули все очарование молодости балерины в старейший классический балет. Именно Лиза принесла Орузбаевой признание коллег и публики.

Умение увлечь других, убедить — эти человеческие качества Лены дороги ее товарищам. Еще в училище Елена была комсоргом. Ее избирали на эту должность в течение трех лет. А при выпуске Орузбаеву за активное участие в общественной жизни наградили «Знаком комсомольской доблести». Такую же творческую активную позицию избрала она и в театре.

В составе творческой бригады балерина ездила на БАМ. Участвовала там в сотнях концертов, выступала на вечерах отдыха, встречах со строителями магистрали. Однажды их машины попали в бурю, и артисты опоздали на концерт. К тому же был адский холод, но все равно их ждали, никто не расхохотался. Пачку и пуанты, готовясь к выступлению, Лена положила на подоконник, а когда потянулась к ним, то не смогла оторвать, примерзли. Пришлось отогревать чаем. И все же она вышла на сцену и с блеском исполнила свой номер.

— В театре Елена зарекомендовала себя как прекрас-

ная партнерша. У нее нет постоянных партнеров, она танцует со многими солистами балета, и я уверен, что всем танцевать с ней интересно,— так аттестует Орузбаеву народный артист республики Арстанбек Ирсалиев.

А вот слова народной артистки Киргизской ССР Рейны Чокоевой:

— Впереди у Елены Орузбаевой большие творческие планы. Мне хочется пожелать ей, чтобы все они сбылись и осуществились. А ее трудолюбие, ее озаренность в искусстве, уверена, помогут молодой артистке достичь новых высот в искусстве балета.

Сама Лена на этот счет имеет вполне определенное мнение:

— В современном балете невозможно без синтеза актерских данных, техничности и пластической выразительности. Сейчас это не только желательно, а скорее необходимо.

Кого она считает идеалом современной балерины и мечтает достичь чьих высот?

— Екатерину Максимова и Людмилу Семеняку из Большого театра и Галину Мезенцеву из Кировского в Ленинграде. Глубокая эмоциональная заразительность, одухотворенность танца и движения. Балет — это мир чувств, и надо уметь вовлечь в него зрителя, заставить его переживать, а не только любоваться техническим совершенством исполнителя. Названные танцовщицы в полной мере обладают этими драгоценными качествами, и этому я хочу у них учиться, разумеется, оставаясь при этом сугубо индивидуальной, — говорит Елена Орузбаева.

Кто помогает ей прочесть сложнейшие танцевальные партии в «Баядерке», «Жизели», «Дон Кихоте», «Тамерлане» красиво, бережно, талантливо? Не задумываясь, балерина называет имена своего наставника и балетмейстера Урана Сарбагишева и старших товарищей по театру народной артистки Союза ССР А. Токомбаевой, народного артиста СССР Ч. Базарбаева, народного артиста Киргизской ССР А. Ирсалиева, заслуженных артистов республики В. Салимбаева и Б. Алимбаева, которым очень признательна за их труд, веру в нее.

Недавно Елене Орузбаевой присвоено высокое звание заслуженной артистки республики, в театре за ней прочно утвердилась репутация одной из ведущих балерин. Но, как и прежде, путь к постижению новых балетных образов, их собственное прочтение начинается для нее у станка. Каждое утро в сотый раз повторяется азбука балета —

«основные позиции: пять — для рук и пять — для ног. Таково восхождение к успеху, вечное стремление к совершенствованию. Это — неиссякаемая жажда танца. Балет, как и любое высокое искусство, повторяя поэта, «не читки требует с актера, полной гибели всерьез». Для Елены Орузбаевой эти слова — ее творческое и человеческое кредо.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М. Джангазиев.</i> Киргизия, любовь моя! Вместо предисловия . . .	3
<i>В. Никсдорф.</i> Крепкие корни. Очерк	8
<i>Т. Шамшиев.</i> Сын Акматбека. Документальный рассказ. Перевод с киргизского <i>А. Сальникова</i>	16
<i>П. Леденев.</i> Взрыв в горах. Документальный рассказ	23
<i>В. Широков.</i> Час золотого полдня. Документальный рассказ . . .	29
<i>В. Шепель.</i> Малик Акчабаев — бригадир и агитатор. Очерк . . .	39
<i>Ю. Павленко.</i> Сыновья. Очерк	45
<i>И. Доценко.</i> Зеленая ракета. Документальный рассказ	49
<i>В. Хатунцев.</i> Дружбы гранит. Очерк	59
<i>В. Козлинский.</i> На куполе планеты. Очерк	63
<i>О. Жукова.</i> Высота. Очерк	73
<i>Б. Прохоров.</i> По следу барса. Документальный рассказ	76
<i>А. Шепеленко.</i> Восхождение. Очерк	84

МОЙ СОЛНЕЧНЫЙ КИРГИЗСТАН

Документальные рассказы, очерки

Составитель А. Сальников

Для старшего школьного возраста

Редактор *П. Ледеhev*

Художник *Ю. Ким*

Художественный редактор *Ж. Карыппаев*

Технический редактор *А. Атамкулова*

Корректор *С. Кузьмина*

Фото *В. Кириенко, В. Доценко, Ш. Сартова, М. Айтакунова*

ИБ № 2806

Сдано в набор 12. 08. 83. Подписано к печати 28. 12. 83. Д—01138.
Формат бумаги $84 \times 108^{1/32}$. Бумага типографская № 1. «Литературная»
гарнитура. Печать высокая. 2,875 физич. печатных листа + 0,625 вкл.
4,83 условн. печатных листа + 1,05 вкл. 5,0 учетно-издательских листа
+ 0,969 вкл. Тираж 7000.
Заказ № 309. Цена 35 коп.

Издательство «Мектеп».
720361, ГСП, Фрунзе, ул. Советская, 170.
Киргизполиграфкомбинат им. 50-летия Киргизской ССР
Госкомиздата Киргизской ССР.
720461, ГСП, Фрунзе, 5, ул. Жигулевская, 102.

2

35 коп.